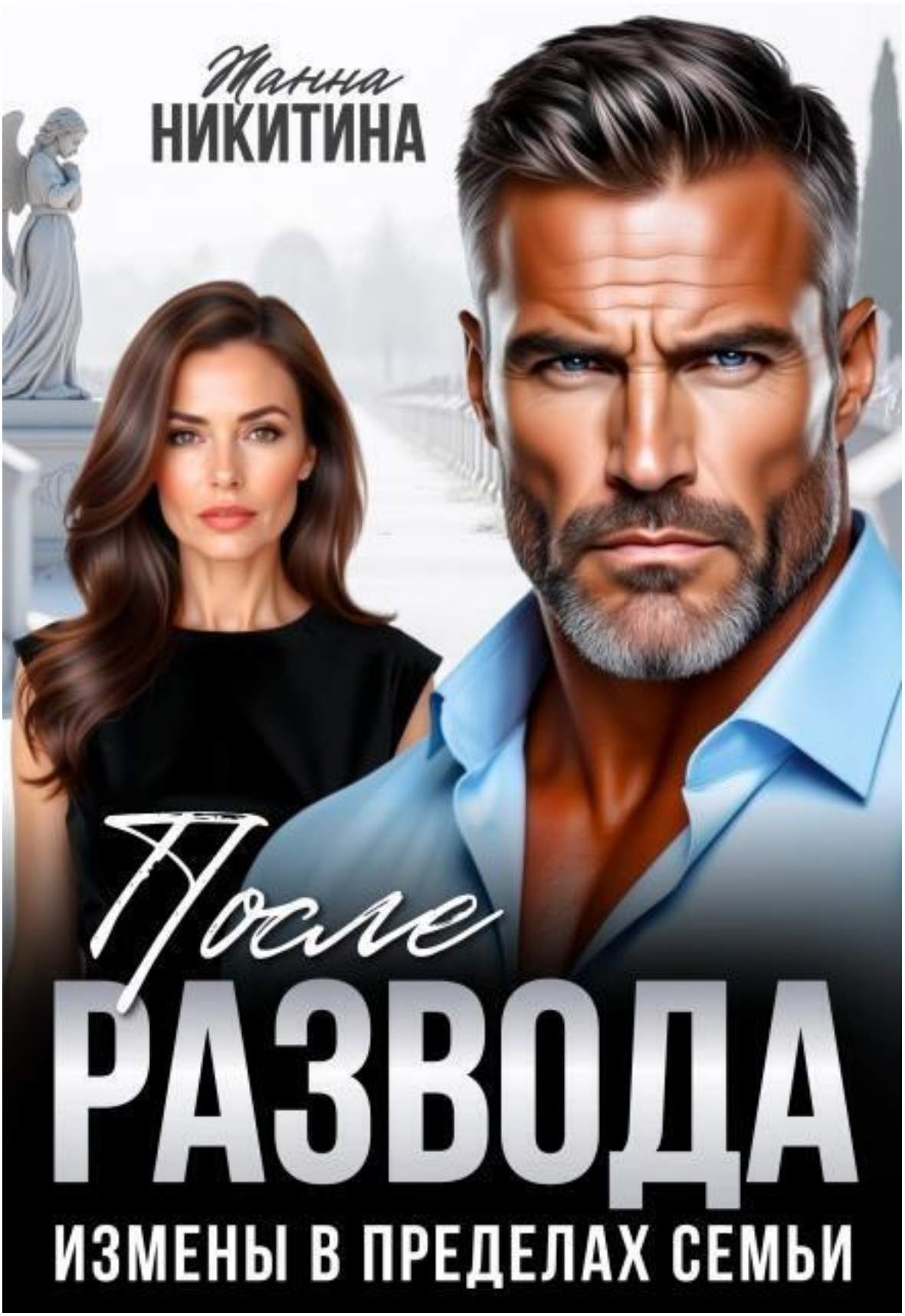

Танна
НИКИТИНА
После
РАЗВОДА
ИЗМЕНЫ В ПРЕДЕЛАХ СЕМЬИ

Жанна Никитина

После развода. Измены в пределах семьи

«Литнет»
2026

Никитина Ж.

После развода. Измены в пределах семьи / Ж. Никитина — «Литнет», 2026

— Мужик здесь я! И я буду решать, разводиться нам или нет! — муж высокомерно смотрит на меня.— Ты изменил мне! — неверяще смотрю на него. — Неужели ты думаешь, что после такого я останусь с тобой? — Я не считаю это изменой, — усмехается Володя. — Формально, я не уходил из семьи.Тошнота подкатывает к горлу.— Ты спишь с женой своего сына, — выкрикиваю я.— Ну я же говорю — не выношу сор из избы. И ты этого не делай! После стольких лет брака… какой тебе развод? Ты уже не в том возрасте. Так что не гневи Бога и благодари его за то, что у тебя такой замечательный муж, — Володя подходит ко мне и целует меня в лоб. — В конечном итоге, такие люди, как я, не разводятся. Не забывай, что ты замужем за бывшим военным. А для нас семья — статус! Так что проглоти свою гордость и живи как раньше!Но я не стала жить как раньше и наплевала на статус мужа. Собрала вещи, подала на развод и зажила новой жизнью, пока через пять месяцев не раздался звонок в дверь.— Мама, — всхлипывает средняя дочь, стоя на пороге. — Моя младшая сестра вся в отца. Она увела у меня мужа!Не забудьте, пожалуйста, добавить в библиотеку и поставить "мне нравится")))История выходит в рамках литмоба "Измена — дело семейное"

© Никитина Ж., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 3.1. 10
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8. Пять месяцев спустя 24
Глава 9 26
Глава 10 29
Глава 11 31
Глава 12 35
Глава 13 38
Глава 14 41
Глава 15 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Глава 1

— Мама, пойдем со мной. Ты должна кое-что увидеть.

Голос средней дочери доносится до меня в тот самый момент, когда я отхожу от батюшки. Только что он говорил что-то важное, слова утешения, которые я слушала, но не слышала. Они проходили мимо меня, не задерживаясь в моем сознании.

Мы стоим за колоннами небольшой церкви. Воздух здесь густой, насыщенный, пропитанный горьковато-сладкой тяжестью ладана и тонким, чистым запахом воска от оплывших свечей. Людей много. Они стоят плотной стеной, черной, колышущейся. Все эти лица, знакомые и полузабытые, сливаются в одно расплывчатое пятно. Мама была общительной, светлой, ее любили... а теперь ее нет. Эта мысль не укладывается в голове. Но стоит об этом подумать, и каждый раз боль пронзает сердце заново.

— Аня, что такое? — спрашиваю хрипло, сипло.

Смотрю на дочь, высокую красавицу с каштановыми волосами, спадающими волной за спину, как у меня, и невозможно серыми глазами цвета грозового неба, как у Володи.

Шмыгаю носом, пальцы сами тянутся к черному платку, поправляют его, хотя он сидит идеально. Горло сдавливает спазмом, жестким, горячим. Я сглатываю, пытаясь протолкнуть ком, мешающий дышать.

До сих пор не могу поверить, что мама ушла. Быстро, тихо, навсегда. Как можно исчезнуть за мгновение? Кажется, только вчера она звонила, смеялась, звала в гости… и вот инфаркт.

— Пойдем. Быстрее, — дочь не спрашивает, она настойчиво берет меня за руку. Ее ладонь теплая, сухая, в отличие от моей, ледяной и влажной. Аня тянет меня, и я, как послушная кукла, делаю шаг, потом другой.

Аня ведет себя странно. Обычно она мягче, покладистее, а сейчас в каждом ее движении чувствуется жесткая, пугающая решимость. Словно она знает то, чего не знаю я.

— Куда мы? Подожди, я еще не все закончила... — я оборачиваюсь назад, ища взглядом Володю, чтобы предупредить его.

Но мужа нигде не видно. Все это время он был моей поддержкой и опорой, как и тридцать один год до этого. В самые трудные минуты я знала: он рядом, он держит меня за руку. Я инстинктивно ищу его руку сейчас, но мои пальцы сжимают лишь воздух. Наверное, Володя с кем-то разговаривает, утешает кого-то из родственников. Я благодарна ему, что он все эти дни был со мной, немым столпом, на который я могла опереться.

— Милая, — снова пытаюсь остановить дочь, но Аня словно не слышит. Она ведет меня уверенно, обходя людей, лавируя между препятствиями.

Дочь выводит меня из церкви. Осенний ветер налетает сразу, со всех сторон. Он пробирается под длинную юбку черного платья, холодит ноги, обжигает мокрые от слез щеки. Каштановая прядь, выбившаяся из-под платка, тут же бьет по лицу. Я машинально заправляю ее за ухо, когда мы огибаем белые своды церкви.

— Аня, что происхо... — слова застревают в горле.

Я резко останавливаюсь, споткнувшись на ровном месте. Взгляд натыкается на широкую спину, обтянутую черной тканью пиджака. Володя. Я узнаю его по темным волосам с проседью на висках, по тому, как он держит голову, по линии плеч. Но не это меня шокирует, а то, что рядом с ним кто-то есть.

Их двое. Они стоят в нише стены, почти скрытые от посторонних глаз. Моя первая мысль — кто-то плохо себя чувствует, и муж поддерживает эту женщину. Но то, как он стоит, не вписывается в эту картину. Он не просто поддерживает. Вся его поза, этот наклон головы, то, как его руки держат ее за предплечья... это кричит об одном.

Володя склоняется к ней ниже. Его пальцы сжимают ткань ее черного жакета. Она запрокидывает голову. Кладет руки ему на плечи. Сомнений быть не может. Это не мимолетное касание щекой, не случайность. Это поцелуй. Жадный, какой-то даже отчаянный. Он целует ее, сжимая так, словно боится отпустить.

Я думала, что этот день уже не станет хуже. Как же я ошибалась.

Перед глазами все расплывается, но эта картина проступает с ужасающей четкостью, выжженная на сетчатке.

Дыхание перехватывает так, будто мне сдавило горло невидимой удавкой. Воздух есть, но я не могу его вдохнуть.

Как Володя мог? Здесь. На похоронах моей матери. Рядом с церковью. Он целуется с другой.

Мое тело реагирует быстрее, чем мозг. Я резко отступаю назад, сжимаюсь, обнимаю себя за плечи. Хочется исчезнуть, провалиться сквозь землю, сделать вид, что я этого не видела. Каблук предательски скользит по мелкому гравию.

Но не успеваю я сделать и шага, как за моей спиной раздается злой, полный ледяной ярости голос сына.

— Да как вы смеете? Ничего святого в вас нет! — рявкает Андрей.

Володя медленно отрывается от женщины. Он не вздрагивает, не дергается. Просто прерывает поцелуй и так же неторопливо, с достоинством, поворачивает голову на голос сына.

Его лицо… спокойное. Абсолютно спокойное. Лишь сведенные к переносице брови выдают напряжение. Он смотрит на меня в упор, сжимает челюсти, потом переводит ледяной взгляд на Андрея. Ни тени раскаяния, ни капли стыда. Только глухая стена сдержанности.

А в следующее мгновение из-за его широкой фигуры, словно не в силах больше прятаться, выглядывает она. Сначала я вижу лишь край черного рукава, потом аккуратный пучок русых волос, знакомую линию скулы. И наконец — глаза. Огромные, карие, распахнутые от ужаса. Они встречаются с моими, и я перестаю дышать.

— Злата? — мой голос — это не голос, это выдох, шелест, мольба о том, чтобы это оказалось ошибкой, потому что я смотрю в глаза… своей невестки — жены Андрея.

Глава 2

Затянувшееся молчание становится еще более давящим, неловким.

На языке крутится сотня вопросов. Они роятся в голове, жалят, требуют выхода.

За что?

Почему?

Как ты мог?

Почему именно она?

Но ни один из них не вырывается из горла. Я перебираю их и понимаю — все бессмысленно. Не потому что я не могу их задать. Могу. Язык не отнялся, в глазах не темнеет. Но зачем? Что это изменит? Факт останется фактом: Володя стоял здесь, в нескольких метрах от гроба моей матери, и целовал другую женщину… жену своего сына. А вот мне может стать еще больнее. Потому что на каждый вопрос найдется ответ, и каждый ответ полоснет по живому. Хотя, куда уже хуже?

Я стою и смотрю на них. На него. На нее. На его руку, которая все еще сжимает предплечье Златы. На ее губы, которые только что касались его губ. И жду. Жду, что вот сейчас подкосятся ноги, и я осяду на этот противный гравий, вжавшись спиной в холодную церковную стену. Но и этого не происходит. Тело отказывается падать. Словно мышцы свело судорогой, и теперь они держат меня вертикально назло всему.

Единственное — тяжело дышать. Это да. Словно кто-то одновременно зажал мне рот и нос. Воздух есть, я вижу, как ветер колышет ветки, я чувствую, как он ударяется о ноги, незакрытые юбкой, но в легкие он не проходит. Застревает где-то в горле, в том самом месте, где засел горький, колючий ком.

— У нас что, здесь семейный совет? — первым приходит в себя Володя.

Его голос разбивает тишину, грубый, резкий, не терпящий возражений. Он всегда так разговаривает, когда чем-то недоволен.

— Что вы все здесь делаете? — рявкает муж.

Я смотрю в его глаза. В эти серые, цвета грозового неба, такие родные, знакомые до каждой прожилки. И не нахожу в них ничего. Ни вины, ни сожаления, ни попытки оправдаться. Лишь раздражение. Чистое, холодное раздражение человека, которого отвлекли от важного дела. От какого дела? От поцелуя с любовницей?

— Серьезно? — голос Андрея срывается на рык. Сын огибает меня, выступает вперед, и я вижу, как напряжена его спина, как хищно сведены лопатки под черной тканью пиджак. — И ты еще смеешь задавать нам такие вопросы после того, что мы тут увидели?

Андрей собран, словно в любой момент готов к прыжку. Руки сжаты в кулаки так, что костяшки побелели. Каштановые волосы ерошатся на ветру, падают на лоб. Он вылитый Володя в его тридцать лет. Тот же разрез глаз, тот же волевой подбородок, та же манера сжимать челюсти, когда злится. Только в глазах Андрея — боль. Настоящая, живая, незащищенная боль. В глазах Володи — лишь лед.

— Помни, с кем разговариваешь! — Володя сужает глаза, глядя на сына в упор. Я знаю этот взгляд. Таким взглядом он останавливал меня в ссорах, когда я заходила слишком далеко. — Я твой отец! Не устраивай цирк и держи себя в руках. Мы на похоронах. Твоей матери сейчас тяжело и без этих сцен.

Я отшатываюсь. Физически, всем телом делаю шаг назад, будто муж оттолкнул меня. Потому что это все звучит как насмешка. Самая жестокая, самая изощренная насмешка, которую только можно было придумать. Володя стоит, пряча за спиной женщину, с которой изменяет мне, и говорит о том, что мне тяжело?

— Тогда почему тебя похороны не смутили? — слышу свой собственный голос.

Он вырывается откуда-то изнутри, хриплый, надтреснутый. Я не планировала это говорить. Слова сами нашли выход.

Володя переводит на меня взгляд. В нем появляется что-то новое. Разочарование? Укоризна? Словно это я повела себя неподобающе, словно причиной этих сцен являюсь я, а не он.

— Вита, ты-то не опускайся до выяснения отношений на людях, — произносит Володя спокойно, давяще. Будто говорит с истеричкой, которую нужно успокоить, чтобы не привлекать внимание.

— А что ты ей рот затыкаешь? — Андрей делает шаг к отцу, наклоняется вперед. — Давай объясни нам. Потому что я, например, очень хочу услышать, что здесь происходит. Прямо сейчас. — Он резко переводит взгляд на жену. Та все это время стоит за мощной спиной Володи, сжавшись, пытается стать невидимой. — А ты... — голос сына сочится ядом, — Злата, чего молчишь?

Злата вздрагивает, будто от пощечины. Вздергивает голову, смотрит на Андрея. И в этом взгляде больше нет ужаса. Там появляется что-то другое. Вызов. Злая, отчаянная гордость. Она молчит, сжав губы.

— Хватит! — рявкает Володя так, что даже ветер, кажется, стихает на мгновение. — Все ваши выяснения оставьте на потом. А сейчас нам нужно возвращаться. Или ты забыла, где находишься? — он снова смотрит на меня. В его взгляде — приказ. Приказ, которому я подчинялась тридцать один год. — Нас ждут... тебя, Вита, в первую очередь ждут. Люди пришли проститься с твоей матерью, и не дело — оставлять их без внимания, пока вы тут... — он властно тычет указательным пальцем в землю, — устраиваете разборки. Как на базаре, ей Богу.

Он переводит строгий взгляд на Андрея. Тот стоит, тяжело дыша, и в каждой линии его тела — напряженность.

— А ты езжай домой и остынь, — бросает Володя сыну. — Еще не хватало скандалов. Ты же мужик, в конечном итоге!

— Вот так? — лицо Андрея покрывается красными пятнами. Гнев поднимается от шеи к щекам, заливает лоб. — Ты вот так хочешь это все замять? Типа сделаем вид, что никто ничего не видел? Нет, отец. Не получится.

— Андрей, правда, езжай домой, — раздается тихий, но твердый голос.

Злата.

Повисает пауза. Новая. Настораживающая. Невестка только что выбрала сторону. Не мужа. А сторону Володи.

— Ты все слышал, — цедит мой муж, глядя на сына. В голосе появляются металлические нотки. — Так что будь добр…

Он не успевает договорить.

Все происходит слишком быстро.

Я едва успеваю заметить, как Андрей бросается вперед.

Глава 3

Я вижу, как дергаются плечи Андрея, как он заносит кулак, как наливаются кровью глаза. Это происходит за секунду, но я успеваю рассмотреть каждое движение. И не могу поверить… не могу поверить, что похороны моей матери превращаются в какой-то сюр… в похороны моей же семьи. Это не может быть правдой. Все не должно было быть так!

— Нет! — кричу я.

Дергаюсь следом за сыном, но Аня вцепляется мне в руку мертвой хваткой, удерживает на месте. Пытаюсь вырваться — бесполезно. Сердце колотится где-то в горле, удары отдаются в висках, заглушая все звуки.

Я должна прекратить весь этот кошмар! Должна быть сильной!

— Мама, не надо! — умоляет Аня. — Ты можешь пострадать!

В этот момент Володя одним резким взмахом перехватывает руку Андрея. Движение четкое, выверенное, профессиональное. Он заламывает сыну кисть так, что тот шипит от боли, разворачивает его корпусом от себя и резко толкает в спину. Андрей по инерции делает несколько шагов вперед, спотыкается о гравий, но удерживает равновесие.

— Не зарывайся! Забыл, что имеешь дело с бывшим военным? — рявкает Володя. В его голосе ледяное предупреждение, смешанное с гневом. В глазах сверкает высокомерие.

Андрей выпрямляется, уже снова хочет броситься к отцу…

— Перестаньте! — рычу я. Голос на удивление собранный, твердый. — Ты не имеешь права его трогать! — я смотрю на Володю, и впервые за все наше знакомство не узнаю его. Передо мной чужой человек. Холодный, жестокий, безжалостный. — И это тебе нужно отсюда уйти! Не ему. Тебе! И ей, — указываю подбородком в сторону Златы.

Володя мгновение буравит меня взглядом, и... вдруг усмехается. Уголки его губ приподнимаются в кривой, почти насмешливой улыбке. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но Андрей его опережает.

— Нахрен все это! — рявкает сын, резким движением одергивая черный пиджак, который сбился при толчке. — Мне здесь больше делать нечего!

Он бросает последний взгляд на Злату. Долгий, тяжелый, полный такой гадливости, что та передергивает плечами, будто пытается скинуть его с себя.

— Ну и дрянь же ты, — шипит Андрей.

Злата вздрагивает, но молчит. Только плотнее сжимает губы.

— За языком следи! — чеканит Володя.

Андрей переводит на него взгляд, хмыкает, а после разворачивается на каблуках и идет прочь. Но, поравнявшись со мной, останавливается. Я вижу его профиль — жесткий, злой, искаженный гримасой боли. Сын медленно поворачивает голову, смотрит мне в глаза.

— Знаешь, мама... — голос у него севший, хриплый. Андрей смотрит мне в лицо, сглатывает, и я понимаю: сейчас он скажет то, что нельзя будет забыть. — Если честно, это твоя вина.

Я замираю. Во рту ощущается горький привкус. Невольно хмурюсь, не понимая, что имеет в виду Андрей. Сжимаю пересохшие губы.

— Выполняй ты свою женскую функцию, удовлетворяй отца как следует, — сын кривится, будто его самого тошнит от этих слов, но останавливаться не собирается, — и всего этого бы не было.

Глава 3.1.

Дорогие мои,

рада приветствовать вас в своей эмоциональной и необычной новинке.

Давно мы с вами не виделись. Надеюсь, за это время вы успели по мне соскучиться также сильно, как я по вам.

Сразу хочу предупредить что история будет сложной. Это целая семейная сага с внутренними конфликтами и ссорами. Но вам точно не будет скучно.

Так что, обязательно делитесь своими впечатлениями, потому что мне очень хочется понимать, нравится вам или нет. И не забывайте ставить звездочки и добавлять книгу в библиотеку.

Ваша обратная связь очень важна для меня.

Спасибо, что вы рядом.

С любовью, ваша Жанна)

Глава 4

Я даже не успеваю ничего ответить. Сын резко отворачивается. И, больше не говоря ни слова, уходит.

Я смотрю ему в спину. Наблюдаю, как удаляется его фигура, как она становится меньше, расплывается в пелене, которая застилает глаза. И только когда Андрей скрывается за углом церкви, до меня доходит смысл сказанного им.

Он думает, что это все произошло из-за меня. Он винит во всем меня. Ни Злату, ни Володю. Меня!

В горле начинает першить. В ушах все еще звучат его слова, тяжелые, липкие, въедающиеся в мозг. "Выполняй ты свою женскую функцию". От этих слов внутри оседает что-то мерзкое, холодное.

— Ладно, — голос Володи вторгается в мое сознание, заставляет моргнуть. — Поистерили, а теперь пора возвращаться. Нас, наверняка, уже ищут.

Я медленно поворачиваю голову. Смотрю на мужа. На его спокойное, уверенное лицо. И чувствую, как внутри закипает гнев. Он поднимается откуда-то из живота, горячей волной расходится по груди, сжимает горло. Слишком спокойно Володя обо всем говорит. Словно ничего такого не произошло. Будто не его только что застали за изменой с женой собственного сына.

— Ты не вернешься в церковь, — произношу я неожиданно твердо. Кручусь на пятках к “сладкой парочке”, встаю напротив, загораживая им путь. — Ни ты, ни она.

Слезы застилают глаза. Они жгут, требуют выхода. Но сейчас для них не время. Сейчас нельзя раскисать. Если я заплачу, то проиграю. Покажу, насколько мне больно. И тогда Володя почувствует преимущество.

— Мама, — Аня сильнее сжимает мою руку. Ее пальцы впиваются в мою ладонь, передавая тепло, поддержку, силу. Она здесь. Она со мной. Я не одна.

Володя сужает глаза. Этот взгляд я знаю слишком хорошо. Недовольный. Ему не нравится, что кто-то решил ему перечить.

Плевать!

— Вита, — произносит он вкрадчиво, с нажимом. — Если хочешь о чем поговорить, дождись дома. А сейчас не раздувай из мухи слона. Ничего такого не произошло. Или ты хочешь устроить шоу на потеху всем?

"Ничего такого не произошло".

Его слова врезаются в сердце. Входят, как нож в масло, легко и почти без сопротивления. Ничего такого. Мелочь. Ерунда. Просто поцелуй с другой. Просто предательство. Просто вся моя жизнь, которую я строила тридцать один год, рассыпалась в пыль за одну минуту. Конечно же, ничего такого.

Всматриваюсь в лицо Володи и молчу. Вкладываю в свой взгляд все, что кипит внутри. Все вопросы, на которые нет ответов. Всю боль, которую он только что назвал "ничего такого". Все презрение, которое разъедает меня изнутри.

Мотаю головой. Медленно, едва заметно. И этот человек держал меня за руку буквально двадцать минут назад. Сжимал мои пальцы, когда я плакала над гробом матери. Говорил, что все будет хорошо. А сам... сам уже знал, что скоро будет целовать другую.

— Так, ясно, — Володя разочарованно поджимает губы. Будто я его подвела. Будто это я веду себя неправильно. — Оставьте нас, — он переводит властный взгляд на Аню. — Возвращайтесь в церковь.

— Даже не смей, — впиваюсь в Злату разъяренным взглядом. Она все еще стоит рядом с Володей, словно приклеенная к нему. Бледная, сжавшаяся, но с этим странным вызовом в глазах. — Не смей заходить в святое место и осквернять его своим присутствием.

Мой голос напоминает шипение. Злое, тихое, четкое. Злата вздрагивает.

— Вита, — твердо чеканит Володя. — Не перегибай.

— Не перегибать? — воздух вышибает из груди. Я задыхаюсь от абсурдности происходящего. — Ты сейчас серьезно? Твой сын только что ушел отсюда, потому что узнал, что его жена крутит шашни с его отцом. А я перегибаю?

— Да уж, — Володя вдруг усмехается. Криво, цинично, с какой-то гадливой снисходительностью. — Вот и полезло все нутро наружу. А я думал, ты выше этого. Мудрее.

— Папа! — неожиданно вскрикивает Аня. В ее голосе столько боли и возмущения, что я невольно поворачиваю к ней голову.

— Не лезь! — рявкает Володя, даже не глядя на дочь. — Возвращайся к своему мужу. Тебя это не касается. Ты уже натворила дел!

— Не смей так разговаривать с нашей дочерью! — чеканю я. — И даже не думай перекладывать на нее вину!

Но Володя не обращает на это никакого внимания. Он оборачивается к Злате. Смотрит на нее. Тихо вздыхает — я вижу, как он берет себя в руки, возвращает самообладание.

— Езжай в отель, сними номер, — говорит он ей будничным, почти деловым тоном. — Не стоит сейчас видеться с Андреем. Мы с тобой позже поговорим.

Меня начинает подташнивать.

Отель. Он произнес это так привычно, так обыденно. Словно говорит: "сходи в магазин, купи хлеба". Конечно же, им это знакомо. Наверняка не раз. Наверняка это не первый их разговор о том, где можно спрятаться, где никто не увидит, где можно делать то, что они делают, не боясь быть пойманными.

Желудок сжимается до рези, во рту появляется горький привкус желчи.

Злата косится на меня. В ее взгляде проскальзывает что-то, похожее на сожаление. Но я не знаю, к чему именно оно относится. К тому, что ей стыдно передо мной? Или к тому, что их секрет раскрылся и теперь придется как-то выкручиваться?

Она снова смотрит на Володю. Молчит несколько долгих секунд.

— Я пришлю адрес, — наконец кивает, а потом уходит в противоположную от нас сторону. Ее спина прямая, шаги быстрые. Она даже не оборачивается.

Я не могу оторвать взгляда от того, как Злата удаляется, как ее черное платье обтягивает бедра. И в какой-то момент ловлю себя на мысли, что не чувствую к ней ничего. Пустота. Абсолютная, звенящая пустота. А еще утром я относилась к Злате, как к своей третьей дочери.

Шумно вздыхаю.

Мне тоже здесь больше нечего делать. Заставляю себя выпрямить спину. Разворачиваюсь, но не успеваю сделать и шага.

Володя жестко перехватывает меня за локоть. Пальцы впиваются в руку, сдавливают до боли. Я дергаюсь, но он держит крепко.

— Мы еще не закончили, — цедит муж, нависая надо мной.

Он выше, крупнее, и сейчас, в тени церкви, с этими холодными глазами, он кажется чужим. Незнакомым.

— Мы закончили, — резко оборачиваюсь к нему и смотрю в глаза. Не отвожу взгляд. — Катись за Златой. Здесь тебе делать больше нечего!

— Вита, включи голову, — он наклоняется так близко, что его губы касаются моего уха. — Я глава этой семьи. И уходить, только потому, что ты вдруг решила показать характер, не собираюсь. Так что сделай глубокий вдох и веди себя как достойная жена. Или хочешь, чтобы

твоя мать с того света смотрела, как ты позоришь ее похороны истерикой из-за ерунды? Разве она заслужила именно этого? Чтобы ее взрослая дочь вместо скорби перетянула на себя одеяло.

Глава 5

Володя выпрямляется.

Давлюсь воздухом, когда сталкиваюсь с его выжидающим взглядом. Он смотрит на меня спокойно, уверенно. Думает, что я сломаюсь, потому что знает насколько сильно для меня важна мама. И пользуется этим. Давит на мою слабость, на мою боль.

— Да как... — начинаю я.

— Вот вы где? — звонкий женский голос перебивает меня.

Резко поворачиваю голову. К нам быстро идет тетя Марина. Родная сестра моей мамы. Правда, младше нее на десять лет. Они всегда были очень похожи — та же стать, те же черты лица, тот же разрез глаз. Только мама была мягче, добрее. А тетя Марина — жесткая, прямая, всегда знающая, как правильно.

Она подходит к нам, немного запыхавшись, щеки раскраснелись от быстрой ходьбы, черный платок, повязанный на манер косынки, чуть съехал.

— Батюшка вас обыскался. Уже пора идти хоронить…

Тетя Марина осекается на полуслове, когда сталкивается со мной взглядами. Не знаю, что она видит на моем лице. Гнев? Отчаяние? Но в ее глазах проскальзывает сочувствие. Искреннее, душевное, родственное.

От этого становится еще дурнее.

Потому что единственное, в чем Володя прав — сейчас я должна скорбеть по маме, а не по его неверности. Мама ждет. Мама там, в церкви, одна в гробу, а я здесь выясняю отношения с предателем, который точно этого не стоит.

Но в груди все разрывает на части. Одна половина хочет упасть на колени и выть. Другая — вцепиться Володе в лицо.

— Милая, — тетя Марина подходит ко мне, берет мою свободную руку. Аня все еще держит меня с другой стороны. — Давай соберись. Нужно все доделать. Осталось недолго продержаться. Скоро все закончится.

Ее ладонь теплая и сухая. Совсем не такая, как моя — ледяная, подрагивающая.

Тетя Марина абсолютно неправильно понимает мою боль.

Думает, что я плачу по маме. Что я раздавлена горем. Что мне нужна поддержка, чтобы пережить похороны.

Если бы она только знала.

"Прости, мама". — Стыд опаляет щеки. Горячей волной поднимается от шеи, заливает лицо. — "Прости за этот цирк. Прости, что не уберегла твои похороны. Прости, что стою здесь и думаю о нем, когда должна думать о тебе".

Мне хочется выть в голос. Но я лишь сильнее стискиваю зубы. До скрежета, до боли в челюсти. Если я сейчас заплачу — Володя победит. Он решит, что я сломалась. Что его слова подействовали.

— Пойдем, — мягкий голос мужа пробирает до мурашек.

Он дотрагивается до моего локтя. Всего лишь касание, легкое, почти невесомое. Но меня будто бьет током.

Инстинкт срабатывает быстрее, чем я успеваю себя остановить. Резко дергаюсь в сторону, вырываясь ото всех. От Ани, которая вздрагивает от неожиданности. От тети Марины, которая хмурится. От Володи, чья рука повисает в воздухе.

Смотрю на него испепеляющим взглядом.

— Не трогай меня, — рявкаю я. Голос срывается, но звучит громко, четко, чтобы он слышал. Чтобы до него дошло. — И если у тебя есть хоть капля совести — уходи отсюда.

Тетя Марина переводит взгляд с меня на Володю, потом на Аню. Я вижу, как она оценивает ситуацию, сканирует лица, пытается понять, что происходит. Она всегда была такой — быстрой, цепкой, все замечающей.

Володя сжимает губы. На его лице проявляется гнев. Он злится. По-настоящему, глубоко. Создается ощущение, будто он в любой момент может подойти ко мне, схватить меня за шкирку и потащить в церковь силой.

— Оставьте нас на минуту, — тетя Марина говорит твердо, тоном, не терпящим возражений. — Володя, иди займись организацией. Аня, а ты помоги ему.

— Не смей заходить в церковь! — цежу я, глядя на мужа. — Ты слышишь? Не смей!

— Виолетта, — тетя Марина переводит на меня строгий взгляд. В нем столько стали, что я на мгновение теряюсь. — Возьми себя в руки. — Она снова оборачивается к Володе. — Идите-идите. Мы сейчас подойдем, — это звучит уже более мягко.

— Нет... он…

— Хватит! — рявкает она на меня.

Я замолкаю, обескураженная ее напором.

Володя смотрит на тетю Марину, потом на меня. Сжимает челюсти так, что желваки ходят под кожей.

— Бери пример, — цедит он, глядя мне в глаза. — Вот это поведение мудрой женщины.

А после разворачивается и направляется к церкви. Спокойно, уверенно, не оборачиваясь.

— Ты не посмеешь! — шиплю я ему в спину.

Но он даже не вздрагивает. Просто заворачивает за угол и исчезает.

— Аня! — тетя Марина не смотрит на мою дочь. Ее гневный взгляд прикован ко мне.

Аня переминается с ноги на ногу. Смотрит на меня, на тетю, снова на меня. В ее глазах растерянность и беспокойство.

Тихо вздыхаю. Не хочу, чтобы она оказалась между нами. Не хочу, чтобы тетя Марина сорвала на ней злость. Аня точно здесь ни причем.

— Иди, милая, — говорю как можно спокойнее. — Мы скоро придем.

Аня еще мгновение топчется на месте. А после все-таки уходит. Быстро, почти бегом, словно боится, что может передумать и остаться.

Проходит секунда. Две. Три.

Тетя Марина стоит напротив и сверлит меня осуждающим взглядом. Такими же глазами, как у мамы. Такими же — но чужими. Мама так никогда на меня не смотрела. Мама всегда меня понимала.

— И что ты здесь устроила? — цедит тетя Марина. В ее голосе лед и металл. — Если у тебя истерика — умойся и приди в себя. Нашла где выяснять отношения — на похоронах у матери. До дома потерпеть не можешь? Вообще совесть потеряла?!

— Он изменил мне! — выпаливаю, не задумываясь. — Прямо здесь, на этом месте с…

— Да хоть с кем угодно! — тетя Марина взмахивает рукой. — Вита, ты в своем уме? Где твои мозги? Где твое сердце? — На ее лице появляется разочарование. Горькое, подавляющее. — Разве тебя мать не учила, что любые ссоры должны быть за закрытыми дверями дома, а не на всеобщем обозрении? Или хочешь, чтобы все это увидели? Вот будет развлечение!

Резко втягиваю воздух. Открываю рот, чтобы ответить, но она не дает.

— Да и захотел Володя кого-то помоложе — имеет право. Он мужик видный. Если бы все из-за такого расходились, у нас бы семей сейчас не осталось вообще.

Я смотрю на нее и не верю своим ушам. Это говорит родная сестра моей матери? Это говорит женщина, которая должна меня понять, поддержать, обнять? Она, словно, не понимает масштаба произошедшего.

— Тетя Марина…

— Ты гордыню свою поумерь, — она не дает мне договорить. — Это, вообще-то, смертный грех. Твоя мать любила Володю. Сколько он ей помогал? И мне? Сколько сделал для нашей семьи? Так что не смей гнать его отсюда.

Тетя Марина лезет в карман черного пальто, достает оттуда белоснежный носовой платок и сует его мне в руку. Идеально сложенный, накрахмаленный, пахнущий свежестью.

Я невольно беру его. Сжимаю в кулаке эту белоснежную ткань, которая выглядит сейчас слишком неуместной в черных красках, покрывшими весь мир.

— Побудь здесь, прорыдайся, если тебе так надо, — тетя Марина строго смотрит мне в глаза. — А потом соберись и возвращайся с гордо поднятой головой. — Она делает паузу. Сжимает губы в тонкую линию. — А если уж так переживаешь из-за измен Володи, то придумай, как его заинтересовать вновь. Чтобы он от тебя больше никуда не делся. Твоя мать вон тоже включила гордость и страдала потом в одиночестве, когда от нее твой отец ушел. Не повторяй ее ошибок. Будь мудрее.

— Что вы несете? — спрашиваю почему-то шепотом.

— Лучше Володи в твоей жизни никого точно не будет, — тетя Марина тычет указательным пальцем мне в грудь. — И вообще, давай честно, возможно, кроме Володи никого уже и не будет. Возраст, знаешь ли, не тот. Тебе пятьдесят второй год все-таки. Кому ты нужна кроме него? Будь благодарна, что не бросает тебя.

Она отступает на шаг назад. Смотрит на меня пристально, оценивающе. Я отвечаю твердым взглядом.

Повисает гнетущая пауза.

— Вита, послушай меня внимательно, — наконец произносит тетя Марина. В ее словах звучит угроза. — Если ты все-таки решила устроить скандал, то лучше сама уходи. Потому что тогда именно тебе здесь нечего делать. А мы без тебя как-нибудь справимся. Не выставляй себя посмешищем.

На этом тетя Марина разворачивается и быстро исчезает за поворотом.

А я остаюсь одна. Стою посреди этого кошмара, сжимаю в руке белоснежный платок и не верю, что все это происходит со мной.

Глава 6

Дверь квартиры закрывается за мной с гулким щелчком.

Откидываюсь спиной на холодную створку, прижимаюсь лопатками. Не включаю свет в просторном холле. Не хочу видеть фотографий, висящих на стенах. Наши с Володей свадебные. С детьми. С мамой. На каждой из них мы были счастливы, а теперь… все счастье разлетелось, словно карточный домик.

Тишина квартиры обволакивает. Тяжелая, густая, давящая.

Похороны наконец подошли к концу, чему я несказанно рада. Какое чудовищное слово — "рада" — по отношению к похоронам матери. Но это правда. Потому что этот день был пыткой. Даже хуже. Он был адом.

Володя так и не ушел. Я смотрела, как он заходит в церковь, как кивает родственникам. Спокойный, уверенный, неуязвимый. И я, конечно же, тоже осталась. Потому что там лежала моя мама. Потому что я не могла уйти.

Успокаивает одно — мне не нужно было играть на публику. Володя почти не подходил ко мне. Держался на расстоянии, словно чувствовал, что я могу не сдержаться. Но мне все равно приходилось выслушивать, когда кто-то в очередной раз подходил ко мне, говорил слова соболезнования, а после добавлял: "Как хорошо, что рядом с тобой такой сильный мужчина. С такой поддержкой любое горе можно пережить".

Сильный мужчина. Поддержка.

Если бы они знали.

Держаться во всем этом театре абсурда мне помогали только мои дочери. Аня постоянно не отпускала мою руку, сжимала мои пальцы, наблюдала за отцом.

Алена — младшая дочка, которой в этом году исполнилось двадцать пять лет, — обеспокоенно заглядывала мне в глаза, каждый раз спрашивая шепотом: "Мам, что случилось? Ты сама не своя. Мам, ну скажи. Вы поругались с папой?". Я обещала рассказать ей позже. Потом. Когда смогу говорить об этом. Когда слова не буду раздирать горло в клочья.

Но вопреки всему, стоило мне проводить последних родственников, как муж Ани — Стас — молча взял меня под локоть и повел к машине. Никогда не думала, что этот немногословный мужчина, который до безумия любит мою дочь, станет моим спасением в этот день. Он не задавал вопросов. Просто довез меня до дома вместе с Аней. Дочь не хотела отпускать меня, но я обещала, что соберу вещи и сразу приеду к ним. Она предлагала помочь, дождаться, но мне очень нужно побыть одной. Поэтому я отказалась.

Если честно, то в глубине души я надеюсь, что Володя сейчас поехал в отель к Злате. Не хочу его больше видеть… никогда.

Сердце предательски сжимается.

В любом случае, это не важно.

Важно то, что я не собираюсь так жить.

— Нужно собраться, — собственный голос мне незнаком.

Он хриплый. Чужой. Словно говорит кто-то другой, а я только слушаю.

Отталкиваюсь от двери, к которой привалилась. Скидываю пальто прямо на пол, где у нас всегда был идеальный порядок. Пусть. Больше меня это не касается.

Иду в сторону спальни. Коридор кажется бесконечным. Каждый шаг — усилие. Тело ломит от усталости, мышцы ноют, будто я мешки таскала, а не стояла у гроба. Тошнота подкатывает к горлу волнами — то ли от голода, то ли от всего случившегося. Я не ела с утра. Кусок в горло не лез. В голове звенит миллион колокольчиков.

Наверное, стоило бы позвонить Андрею. Уточнить, как там сын. Он ушел в таком состоянии, с такой болью. Но у меня нет сил. Я чувствую себя разбитой, ошеломленной, пустой.

Сначала захожу в ванную.

Включаю свет. Смотрю в зеркало.

Лицо бледное, землисто-серое. Карие глаза покраснели, веки опухли. Взгляд потухший, пустой. Я не узнаю себя. Эта женщина в зеркале — не я. Я не могу быть такой. Я всегда держалась, всегда была сильной. А сейчас…

Включаю холодную воду и умываюсь. Тру лицо с такой силой, будто могу стереть все воспоминания. После срываю с головы черный платок. Прямо им вытираю лицо. Грубо, быстро. Швыряю платок в раковину.

Затем все-таки иду в спальню.

Толкаю дверь, включаю теплый свет, и меня накрывает.

Запах.

Наш запах. Володин и мой, смешанный, привычный, родной. Пахнет нежными духами, которые я люблю, и его парфюмом — древесным, терпким.

Кровать не заправлена. Смятые простыни, сбившееся одеяло. Я смотрю на эту картину и вспоминаю сегодняшнюю ночь. Володя обнимал меня, гладил по голове, шептал: "Завтра будет тяжелый день, но ты справишься. Я рядом. Мы переживем это вместе. А дальше станет легче".

Я верила.

Я верила каждому его слову.

А он уже обманывал. Уже планировал. Уже ждал момента, когда сможет улизнуть и прижать к себе другую.

— Лжец! — вырывается из груди. Громко, зло, отчаянно. — Какой же ты наглый лжец!

Внутри вспыхивает новый приступ злости. Горячей, обжигающей, выжигающей все органы. Она придает сил.

Резко разворачиваюсь, распахиваю створки огромного шкафа из темного дерева. На плечиках ровными рядами висят его рубашки, пиджаки, мои платья. На полках — стопки идеально сложенных вещей.

Аккуратный мир, которого больше нет.

Внизу — огромный чемодан, с которым мы не единожды ездили отдыхать. Наклоняюсь, чтобы достать его.

И в этот момент раздается щелчок замка.

Громкий, неожиданный. Сердце пропускает удар, потом начинает колотиться сильнее.

Берусь за ручку чемодана, но не успеваю его вытащить.

— Вот ты где, — голос Володи звучит немного лениво, устало.

Медленно выпрямляюсь, поворачиваю голову. Володя стоит в дверях спальни, прислонившись плечом к косяку. Пиджак расстегнут, галстук ослаблен, рубашка мятая. Выглядит уставшим, но довольным. Сытым.

— Рад, что ты дома. Надеюсь, ты успела успокоиться за это время, — он проходит в комнату. — Я специально не трогал тебя, чтобы ты пришла в норму.

Володя приближается. Опирается рукой на одну из дверок шкафа, нависает надо мной. Смотрит внимательно, изучающе.

На его губах вдруг появляется полуулыбка.

— Ну что, вынесла ты сегодня мне мозг, — произносит он почти ласково. — Еще и перед людьми пришлось оправдываться за то, что ты избегала меня. Хорошо, что все можно было списать на похороны.

Он делает шаг ко мне. Еще один. Я чувствую его запах — немного горьковатый, резкий.

— А теперь, ладно, — Володя наклоняется чуть ниже, смотрит мне в глаза, — поскандалили и хватит. — Он делает паузу, смакует ее. — И да, я бы не отказался от благодарности. За то, что не бросил тебя. За то, что прикрыл. За то, что вообще с тобой вожусь. И знаешь что? — голос становится тише, но от этого не мягче. — Я хочу, чтобы ты сделала это на коле-

нях. Чтобы в следующий раз подумала, прежде чем устраивать сцены. А после извинись перед Златой. С ней ты тоже перегнула палку.

Глава 7

Я смотрю на Володю. Смотрю в его серые глаза. В красивое, холеное лицо. На эти губы, которые совсем недавно целовали другую, а сейчас требуют от меня нелепых извинений.

Руки сжимаются в кулаки сами собой. Во рту ощущается привкус горечи — желчь подступает к горлу, заливает его. Мне слишком плохо. Слишком тошно. Слишком невыносимо. Слишком противно от слов мужа. От его требований, каждое из которых абсурднее предыдущего.

— А я хочу развода, — шиплю я. Тихо, но четко. Чтобы слова дошли до сознания Володи.

Он замирает.

Я вижу, как меняется его лицо. Полуулыбка медленно сползает. Глаза сужаются. Челюсть сжимается так, что желваки ходят под кожей.

— Что ты сказала?

— Развод, — повторяю я. Чуть громче, чтобы не осталось сомнений. — Я хочу развода.

Секунда.

Две.

— Нет, — Володя произносит это жестким, рубленым тоном, каким отдают приказы. — Никакого развода. Вита, мы тридцать с лишним лет вместе. Тебе что, седина в голову ударила?

— Ты серьезно? — сужаю глаза в ответ. — После сегодняшнего дня ты думаешь, что я останусь с тобой? Да ты в своем уме? У меня есть гордость. У меня есть уважение к себе. Так что я тебя не спрашиваю. Я ставлю в известность: я подаю на развод.

Володя неожиданно резко шагает на меня.

Я не успеваю среагировать — только пячусь назад, пока лопатки не упираются в холодную дверцу шкафа. Дальше некуда. Муж нависает надо мной, и я физически чувствую исходящую от него угрозу.

Глаза Володи наполняются гневом. Темным, тяжелым, пугающим.

— Мужик здесь я! — муж смотрит на меня сверху вниз, высокомерно, с вызовом. — И я буду решать, разводиться нам или нет! Ты поняла?

— Ты изменил мне! — выдыхаю я, не веря, что это нужно объяснять. — Прямо на похоронах моей матери!

Володя всматривается в меня несколько долгих секунд. Я вижу, как он борется с собой. Как раздражение плещется в его глазах, как мышцы лица напряжены до предела. А потом он берет себя в руки.

Усилием воли Володя заставляет себя расслабиться. Сначала медленно опускаются напряженные плечи, потом разжимаются кулаки, которые он сжал. Володя делает глубокий вдох, шумно выдыхает. И когда снова смотрит на меня, в его взгляде уже не ярость — спокойное, холодное превосходство.

— Я не считаю это изменой, — усмехается Володя. — Измена — это когда ты выходишь за рамки семьи, — объясняет он тоном, каким говорят с неразумным ребенком. — А я, формально, не уходил из семьи. Весь сор, так сказать, оставил внутри.

Тошнота становится нестерпимой. Желудок сжимается, к горлу подкатывает новый ком.

— Ты спишь с женой своего сына, — повышаю голос. — Это даже хуже, чем измена!

Эмоции просятся наружу, их слишком много. Они распирают грудь, сдавливают горло, стучат в висках. Я не могу больше с ними справляться. Это тяжело. Это невыносимо.

Мне больно. И я не стесняюсь признаться в этой боли.

Больно настолько, что горло сдавливает в тиски. Воздух проходит с трудом, со свистом.

— То, что ты сегодня видела — это мелочь, неосторожная случайность, — Володя сжимает губы в тонкую линию. — Вот если поймаешь нас за самим процессом... — он делает паузу,

смотрит на меня с насмешкой. — Хотя этого не случится. Впредь я буду беречь твои нервы, раз ты такая чувствительная.

Я открываю рот, но слова застревают.

— Впредь? — сиплю я.

— В любом случае, как я и сказал — я не выношу сор из избы. — Володя чеканит каждое слово, не обращая на меня внимания. — И ты этого не делай! Не говори всяких глупостей. После стольких лет брака… какой тебе развод?

Он делает шаг ко мне. Ближе. Еще ближе.

— Ты уже не в том возрасте, чтобы разбрасываться такими словами, — произносит он тихо, но весомо. — Так что не гневи Бога и благодари его за то, что у тебя такой замечательный муж.

Володя наклоняется и целует меня в лоб.

Губы касаются кожи — холодные, сухие, бесчувственный. Меня прошибает дрожь от этого жеста собственничества, от этой показной нежности, за которой — ничего. Простая формальность. Закрепление собственных слов.

— В конечном итоге, такие люди, как я, не разводятся, — отстраняясь, Володя снова смотрит мне в глаза. — Не забывай, что ты замужем за бывшим военным. А для нас семья — статус. Понимаешь? Это часть имиджа. Часть карьеры. Так что проглоти свою гордость и живи как раньше.

Он замолкает, выжидая. Я тоже не произношу ни слова. Не вижу в этом смысла. В прямом споре с Володей я все равно проиграю.

— Ладно, — Володя вздыхает так, словно ему надоело возиться со мной. — Я хотел помириться по нормальному, а ты испортила весь настрой. Тогда пойду в душ. Нужно смыть негатив этого дня.

Он отталкивается от дверцы шкафа, рядом с которой я стою, и разворачивается, чтобы уйти.

Я не говорю ни слова.

Просто резко наклоняюсь и дергаю чемодан.

Раздается противный скрежет пластика по полу.

Володя тут же разворачивается. Как по команде. Военная выправка срабатывает мгновенно.

— Ты что удумала? — рявкает он. Все его напускное спокойствие слетает в одно мгновение, обнажая злость, которая кипела под маской.

Я также молча распахиваю чемодан. Хватаю первое, что попадается под руку — свою рубашку, белую, идеально выглаженную — и сбрасываю внутрь. Следом — свою кофту, еще одну, еще. Не глядя, не разбирая, просто заполняя пустоту своими вещами.

— Вита!

Володя вдруг перехватывает меня за руку. Резко крутит к себе. Пальцы сжимают запястье так сильно, что я шиплю от боли. Володя притягивает меня к себе почти вплотную.

— Даже не думай, — цедит он сквозь зубы. — Ты никуда не уйдешь.

Я смотрю на него. В его глаза, в которых больше нет ни капли тепла.

— Мне сейчас не до твоих истерик, — голос мужа звучит жестко, требовательно. — У меня повышение на носу, к которому я шел пять лет. Мне нужно сосредоточиться на нем. А ты клятву давала, что будешь со мной в горе и в радости. Так что давай, вот наше “горе”. Перетерпи его, а дальше… смиришься. Иди, не знаю, носки мои постирай, полы помой, ужин для любимой семьи приготовь… что там еще вас — женщин успокаивает?

Я смотрю на него и чувствую, как сердце сдавливают стальные тиски.

Его волнует только его спокойствие и комфорт.

Не то, что я ухожу. Не то, что тридцать один год рассыпался в пыль. Не то, что мне больно настолько, что хочется выть. А то, что ему не хочется за мной “бегать”.

— Ты первым нарушил клятву, — чеканю я, глядя Володе в глаза. — Когда целовал Злату. Так что о какой “любимой семье” ты сейчас говоришь? Ты предал меня. И я не собираюсь это прощать.

Володя вдруг отбрасывает мою руку. Отступает на шаг. Смотрит на меня с таким пренебрежением, что я почти чувствую его физически — тяжелое, липкое.

— Ах вот как, значит? — цедит он. — Ты решила вот так просто взять и разрушить все, что мы строили?

— Я разрушила? — выдыхаю я. Мои брови ползут вверх от неверия. — Это ты…

— Я?! Правда? — перебивает Володя, повышая голос. — Я беспокоился о тебе! Я заботился! Я всю жизнь тебя оберегал, от всего защищал. Ты со мной жила как за каменной стеной. Ни в чем не нуждалась. Я прекрасный муж! Я дал тебе все — дом, детей, статус, уверенность в завтрашнем дне! А теперь ты стоишь здесь, собираешь чемодан и обвиняешь меня, что это я во всем виноват? Нет, Вита. Это ты предаешь нашу семью. Ты бросаешь меня.

Я сглатываю вязкую слюну. Володя говорит так уверенно, так убежденно, будто он действительно прав, будто он не видит, что наделал. Что он разрушил не только нас, но и влез в семью сына.

— И если ты уйдешь, — продолжает Володя, — то вина за все будет на твоих плечах. Я не позволю повесить ее на меня. Ты поняла? Не смей меня обвинять. Я мужик. И даже если я изменил — что с того? Это ничто. Я не собирался разводиться. Я не собирался уходить от тебя. А вот ты — ты должна была сохранить нашу семью. Это твоя работа как жены. Вместо этого ты предаешь все наши ценности.

— Их предал ты! — горько хмыкаю. — Володя, ты предал не только меня, но и сына. Так что нет… нам уже нечего спасать.

Володя молчит. Смотрит на меня. Потом переводит взгляд на чемодан, на вещи, которые я побросала, на этот хаос.

— Ладно, — голос его становится спокойнее. Холоднее. — Знаешь что? Фиг с тобой. Я не собираюсь тебя уговаривать. Если ты так хочешь — иди. Подавай на развод. Но запомни мои слова, — он наклоняется чуть вперед, чеканя каждое слово. Его дыхание опаляет мое лицо. — Ты поныкаешься в одиночестве и поймешь, что без меня ты никто. Я — смысл твоей жизни. Я придавал ей краски. Я делал так, чтобы у тебя все было. — Он усмехается. Криво, зло. Поднимает руку, хочет провести костяшками пальцев по щеке, но я резко дергаюсь от прикосновения. — В общем, сама вернешься. Приползешь на коленях и будешь проситься обратно, — это Володя говорит словно для самого себя. — Но не факт, что я приму тебя. Потому что сейчас ты вонзила мне нож в спину. Предала меня. А значит, тебе больше нет доверия. Никогда.

Повисает пауза. Тяжелая, гнетущая. Мы буравим друг друга взглядами. Ни один не отступает. Наконец Володя усмехается, выпрямляется, будто удовлетворенный моим упрямством.

— Мне-то, в отличие от тебя, есть куда пойти, — добавляет он с превосходством.

И это становится последней каплей.

Тошнота от его слов поднимается резко, неожиданно. Заливает рот горечью.

Я зажимаю рот рукой и срываюсь с места, огибаю Володю.

Ванная. Унитаз. Падаю на колени. Меня выворачивает наизнанку. Снова и снова. Желудок сжимается в спазмах, из глаз текут слезы, смешиваясь с желчью.

Все, что накопилось за этот день, наконец выходит наружу. Вся боль. Вся горечь. Все его слова, которые отравили меня изнутри.

Когда спазмы заканчиваются, я сползаю на холодный кафельный пол. Обнимаю колени и утыкаюсь в них лбом.

Сквозь гул в ушах до меня вдруг доходит осознание — за мной никто не пришел. Вокруг стоит тишина. И она говорит куда громче любых слов. Володя ушел, даже не проверив, как я здесь.

Глава 8. Пять месяцев спустя

Вечер четверга радует меня спокойствием.

За окном кружит мягкий снег — крупные хлопья бесшумно падают на подоконник, на стекло, на ветки деревьев за окном. Я только пришла с работы. Уставшая. День выдался насыщенным: отчеты, совещания, бесконечные звонки. Но теперь я могу расслабиться. Насладиться тишиной без спешки и прочей суеты.

Прохожу на кухню. Щелкаю чайник — звук привычный, уютный, домашний. Свет здесь теплый, неяркий. Я специально купила лампы с мягким свечением, чтобы по вечерам было уютно.

Дальше иду в спальню, чтобы переодеться в домашний костюм. Распахиваю шкаф. Раньше он был забит вещами — его пиджаки, рубашки, мои платья, у каждого была своя сторона. Сейчас шкаф наполовину пустой. Я выкинула все вещи Володи сразу же после того, как подала на развод. Собрала в мусорные мешки и вынесла на помойку, даже не спросив. Володя лишь пожал на это плечами, когда узнал. Сказал, что все равно не собирался возвращаться за ними.

Развод был недолгим и максимально спокойным, потому что Володя даже не явился на него. Вместо него пришел адвокат — сухой, официальный мужчина в строгом костюме — и зачитал условия. Володя отдает мне всю квартиру и половину нажитого имущества. Без споров, без претензий, без борьбы, а я не поднимаю шумиху, которая мне самой была не нужна.

На этом нас больше ничего не связывало.

Сын за эти пять месяцев так и не выходит на связь.

Я пыталась звонить ему — десятки раз, наверное. Сначала трубку сбрасывали. Потом Андрей прислал сообщение. Короткое, сухое, как пощечина:

"Злата ушла от меня. Что ты за мать?"

Я перечитывала это сообщение раз сто. Вглядывалась в каждую букву, пытаясь найти в нем что-то, кроме боли и обвинения. Не нашла. А вместе с тем внутри, в груди, разрасталась холодная пустота — сын, которого я растила, вычеркнул меня из своей жизни.

После Андрей, видимо, отправил меня в черный список. Потому что больше он был недоступен. С его стороны настала абсолютная тишина.

Насколько я знаю от дочек, он развелся со Златой. Развод был болезненным — скандалы, дележка, взаимные обвинения. После Андрей замкнулся в себе. Работает, кажется, но на звонки не отвечает никому. Даже Ане с Аленой.

Все это время только дочери поддерживали меня. Они очень часто приезжают ко мне в гости — вместе и по отдельности. Аня всегда привозит домашнюю еду, говорит, что я плохо питаюсь. Алена — закачивает мне новые книги и сериалы, чтобы мне было, чем себя развлечь по вечерам.

Завтра Аня должна приехать со Стасом. У нее для меня какая-то важная новость.

За пять месяцев жизнь постепенно вошла в свой ритм.

Работа, дом, дочери, приятные вечера, наполненные тем, что я люблю — книги, ванная, сериалы, долгие разговоры по телефону с подругами. Все это помогло заглушить боль.

Первый месяц было тяжело. Меня рвало на части. Ночью я просыпалась и смотрела на пустую подушку рядом, лежала молча, не веря, что все это действительно происходит. Днем же я заставляла себя работать, двигаться, дышать.

Но постепенно я смирилась, привыкла, вошла в колею.

И сейчас, нарезая на кухне сыр — кубиками, а не ломтиками, как я люблю — я понимаю, что почти справилась. Почти отпустила.

Жизнь продолжается.

Внезапный звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть.

Резкий, требовательный, незваный. Сердце пропускает удар.

Хмурюсь. Вытираю руку полотенцем — на пальцах остались крошки сыра — и иду в холл. В голове проносится десяток мыслей: кто это может быть в пятницу вечером? Соседи? Почта? Что-то случилось?

Смотрю в глазок.

На пороге стоит Аня.

И в ней что-то не так. Что-то пугающе не так.

Тут же распахиваю дверь. Рывком, отчего она чуть не вылетает из руки и не врезается в стену.

Дочь стоит, постукивая носком ботинка по полу. Ее лицо мокрое от слез. Глаза покрасневшие, опухшие.

— Милая? — мои брови ползут вверх.

Я смотрю на Аню и не могу понять, что так повлияло на то, что моя сильная, спокойная, уравновешенная дочка выглядит буквально раздавленной.

— Мама, — она поднимает на меня взгляд, наполненный огромной болью. Всхлипывает, шмыгает носом, пытается что-то сказать и не может. — Мамочка… — шепчет Аня, а в следующую секунду бросается ко мне в объятия.

Я принимаю ее. Прижимаю к себе, чувствуя, как дрожит ее тело, как она сотрясается от рыданий. Моя девочка. Моя дочка.

— Милая… — шепчу я, гладя ее по волосам, по спине, по плечам. — Что случилось? Что с тобой? Анечка, родная моя, скажи мне.

Сердце бешено колотится в груди, готовое пробить грудную клетку. Я не понимаю. Не понимаю, что могло сломить мою дочь. Она всегда была такой стойкой, такой сильной. Даже когда мы с Володей... даже тогда она держалась. А сейчас она разбита.

— Мама, — Аня наконец отстраняется, поднимает на меня взгляд, полный скорби и печали. Ее глаза опухли, нос покраснел, губы дрожат. — Моя младшая сестра… Алена… — Аня запинается, сглатывает, и я вижу, как ей трудно произносить эти слова, — вся в отца.

Я хмурюсь, пытаясь понять, осознать, о чем говорит Аня.

— Она... — дочь всхлипывает, сглатывает, собирается с силами. — Она увела у меня мужа!

— Что? — вопрос вырывается сам.

Я неверяще сдвигаю брови к переносице. Этого не может быть. Алена и Стас? Алена, которая всегда очень трогательно относилась к старшей сестре? И Стас, который казался таким надежным, таким преданным, таким любящим Аню?

— Да, — Аня кивает, и слезы текут по ее щекам с новой силой. — Я... я только что застала их в постели. В нашей со Стасом постели, где они... они…

Она вдруг замолкает. Ее лицо искажается в гримасе ужаса. Не боли — именно ужаса, как будто она увидела что-то не просто страшное, а запредельное.

Аня отстраняется от меня еще больше, делает шаг назад, опускает взгляд на пол. Потом медленно поднимает на меня.

В ее глазах плещется паника. Настоящая, животная, леденящая кровь паника.

— Мама, — шепчет дочь, ее голос срывается. — Мне срочно нужно в больницу. — Она делает паузу. Сглатывает. — Кажется... у меня выкидыш.

Глава 9

Скорая несется сквозь снегопад, и каждая кочка отдается нервным толчком в моем и без того напряженном теле.

Я сижу на узкой скамье, вжавшись спиной в холодную стену. Аня лежит на каталке, вцепившись в мою руку мертвой хваткой. Ее пальцы ледяные, дрожащие, но хватка такая сильная, что моя кожа немеет.

Вокруг суетятся медики. Женщина в синей форме что-то быстро говорит. Из-за шума в ушах не могу разобрать ни слова. Молодой мужчина ставит капельницу, еще одна медсестра измеряет давление. Для них это просто работа — очередной вызов, очередная пациентка. Для меня — вся жизнь.

Аня смотрит на меня. В ее глазах плещется такой ужас, что у меня сбивается ритм сердца.

— Пожалуйста... — шепчет дочь. Слова вырываются из ее груди вместе с прерывистым дыханием. — Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста…

— Все будет хорошо, милая, — я крепче сжимаю ее руку, наклоняюсь ближе, чтобы она слышала. — Все будет хорошо. Я рядом. Я здесь, с тобой.

По лицу Ани видно — ей больно. Очень больно. Она держится свободной рукой за живот, и от этого жеста меня разрывает на части. Там, под ее ладонью, сейчас умирает жизнь.

— Спасите его, — вдруг громко вскрикивает Аня, обращаясь к медикам. В ее словах слышна мольба. По щекам дочери катятся крупные слезы. — Он же совсем еще кроха. Спасите его. Он должен жить. Пожалуйста, сделайте что-нибудь, он должен жить!

Женщина-врач кладет руку Ане на плечо.

— Мы делаем все возможное, милая. Потерпи, скоро приедем.

Скоро. Эти минуты кажутся бесконечными.

Аня снова смотрит на меня. Я вижу, как дрожат ее губы. Глаза стеклянные. Мне хочется забрать себе всю ее боль, избавить дочь от этого ада, но я не знаю, как это сделать. Я ни разу в жизни не чувствовала себя настолько беспомощной.

— Мама, я так хотела этого ребенка, — шепчет она. — Мы со Стасом так долго ждали... я думала, это нас сблизит... а теперь…

— Тсс, — я глажу ее по голове, убираю мокрые волосы со лба. — Не думай ни о чем. Только держись. Слышишь? Только держись. Жизнь малыша зависит от тебя.

Аня кивает, но я вижу — ей все труднее.

Желудок сводит болезненным спазмом. Я боюсь. Очень боюсь за нее. Она не должна испытывать все это. Не должна проходить через всю эту боль.

“Пожалуйста, только не это. Только не моя девочка. Пусть она будет счастлива!” — мысленно молю я Бога.

Машина резко тормозит.

— Приехали! — тут же кричит водитель.

Двери распахиваются, врывается холодный воздух, смешанный со снегом. Медики ловко подхватывают каталку, выкатывают ее наружу. Аня тянет ко мне руку, не отпуская.

— Мама!

— Я рядом! — кричу я, выскакивая следом. — Я рядом, слышишь?

Но меня уже оттесняют. Каталку окружают люди в белых халатах, кто-то перехватывает мою руку, заставляя разжать пальцы. Аня исчезает в дверях приемного покоя, и я остаюсь одна под снегопадом.

Секунду стою, не в силах двинуться с места. Потом бросаюсь внутрь.

В коридоре больничный запах — хлорка, лекарства, беспокойство. Я бегу за каталкой по коридору, когда какая-то медсестра останавливает меня.

— Вы с пациенткой?

— Да, с Аней... с Анной... — я задыхаюсь, слова путаются. — Ее только что привезли, у нее выкидыш. Вон она… — машу в сторону дочери, которая скрывается за поворотом.

— Оформляйте документы и ждите, — отрезает медсестра и уходит, даже не обернувшись.

Я остаюсь одна в коридоре. Сажусь на один из железных стульев и сжимаю руки в кулаки, чтобы не завыть. Но тут же вскакиваю.

— Документы? — кто-то спрашивает сбоку.

Недоуменно поворачиваюсь. Передо мной стоит женщина в очках с папкой в руках.

— Для оформления нам нужны документы. Паспорт, полис.

Я хлопаю глазами, пытаясь сообразить. Документы. У Ани не было с собой сумки. Когда она пришла ко мне, при ней был только телефон. И ключи, кажется. Но сумки — точно нет. Ничего нет.

— У нее нет документов, — говорю я. — Она прибежала без всего. Я... я могу заплатить, у меня есть карта, я…

— Как только пациентку стабилизируют, нужны будут документы. Так что привезите как можно скорее, — кивает женщина и уходит.

А я остаюсь в полной растерянности.

В этот момент в руке вибрирует телефон. Я и забыла, что держу его. Смотрю на экран.

Стас.

Меня захлестывает волна злости. Это он. Он во всем виноват. Если бы не он, Аня не пришла бы ко мне в таком состоянии. Если бы не он, она бы не оказалась в этой ситуации.

Но я должна взять трубку. Ане слишком много всего может понадобиться. Одежда, опять же документы, вещи. И он все равно рано или поздно узнает.

— Алло, — отвечаю надтреснутым, охрипшим голосом.

Стас секунду молчит, затем шумно выдыхает:

— Она у вас?

— Она в больнице, — рявкаю я. Голос срывается, но я не пытаюсь его сдерживать.

— Что... что случилось? — в тоне Стаса проскальзывает тревога. — Аня попала в аварию? Говорил я ей оставаться дома, мы бы разобрались, а она…

— У нее выкидыш, — резко перебиваю его.

На том конце провода повисает тишина. Такая долгая, что я проверяю, не сбросился ли вызов. Потом слышу тяжелый выдох.

— Выкидыш? — наконец выдавливает Стас. — Так вот о чем она хотела сегодня рассказать. Я... я…

— Я рассказываю тебе только потому, что мне нужны ее вещи, — перебиваю я, не давая ему договорить. — Срочно. Паспорт, полис, одежда, все, что нужно для больницы. Можешь передать с курьером, с доставкой, с кем угодно. Только привези.

— Понял, — коротко отвечает Стас и отключается.

Я смотрю на погасший экран и чувствую только пустоту внутри.

Проходит минут двадцать. Может, больше. Я потеряла счет времени. Сижу в коридоре, больше не в силах ходить, сжимаю в руках телефон и смотрю в одну точку на стене.

Меня отвлекают шаги.

Поднимаю голову.

Ко мне быстро приближается Стас. В одной руке — знакомая сумочка Ани, в другой — спортивная сумка. Сам Стас выглядит собранно, даже сурово.

А за ним семенит... Алена.

Я моргаю, думая, что мне показалось. Но нет. Это она. Моя младшая дочь. Алена тоже здесь. Она все это время была со Стасом. Ее темные волосы собраны в высокий хвост, серые

глаза — отцовские — сверкают под холодным светом больничных ламп. Кукольные черты лица сейчас заострены, напряжены. Она выглядит растерянной, когда одергивает короткое черное платье вниз под моим пристальным взглядом.

— Где она? — жестко спрашивает Стас. В его взгляде нет ни капли тепла — только сталь и твердость.

— Ее забрали, — глухо отвечаю я. — Врачи... пока борются. — Пожимаю плечами, потому что больше ничего не могу сделать. — Нужно отнести документы в регистратуру и оформить палату.

Стас молча разворачивается и уходит.

Мы остаемся с Аленой вдвоем. Молчим. Дочь переминается с ноги на ногу, обнимает себя за плечи.

Медленно поднимаюсь со стула. Подхожу к дочери вплотную. Смотрю на нее. На это красивое лицо. В эти знакомые до каждой крапинки глаза.

— Что ты наделала? — шиплю я.

Растерянность мгновенно слетает с Алены. Она впивается в меня гневным взглядом, расправляет плечи.

— Что я наделала? — выплевывает дочь. В ее голосе столько гнева, что я невольно отшатываюсь. — Я отомстила за нашу семью! Если бы не Аня, она была бы до сих пор целой! — глаза Алены горят обидой, горечью, гневом. — Ты что, не понимаешь? Я мстила в первую очередь за тебя, мама!

Глава 10

Звонкий звук пощечины прокатывается в тишине больничного коридора.

Я чувствую, как удар обжигает ладонь — тупая, пульсирующая боль отдается в запястье, в локте, в самом сердце. Я впервые в жизни ударила своего ребенка. Впервые за тридцать лет материнства. Но сейчас, глядя на Алену, я понимаю: нужно было делать это чаще. Нужно было бить раньше, бить сильнее, бить, пока из нее не выбили бы эту дурь.

Алена хватается за щеку. Ее глаза мгновенно наполняются слезами — крупными, блестящими, обиженными. Она смотрит на меня так, будто это я предала ее. Будто я наказала ее за что-то хорошее, не поняв этого.

— Это твоя благодарность? — шелестит дочь. Голос дрожит, срывается.

— Благодарность? — мои брови взлетают вверх. Я смотрю на Алену и не верю своим ушам. — За что благодарность, Алена? За то, что ты переспала с мужем сестры? За то, что теперь она здесь, в больнице? За что именно я должна тебя благодарить? Ты что, не понимаешь, что ты натворила?

— Нет, это ты не понимаешь, — голос Алены крепчает, глаза мгновенно высыхают, наполняясь вызовом. Она расправляет плечи, вскидывает подбородок — точь-в-точь как Володя, когда чувствует свою правоту. — Если бы не Аня, не было бы ничего этого. Мы до сих пор были бы семьей.

Шире распахиваю глаза. Мне хочется ущипнуть себя, потому что все происходящее кажется сном. Нелепым, страшным, глупым сном, от которого я все никак не проснусь. Как мы докатились до всего этого? Как все могло получиться таким образом?

— Зачем она повела тебя туда? — с каждым словом голос Алены звучит все увереннее. — Отец не собирался уходить из семьи. Если бы он хотел, то давно бы сам все рассказал. А так он берег твои чувства. И чувства Андрея тоже. А теперь... во что превратилась наша семья из-за Аниной борьбы за справедливость? Чего она этим добилась? От семьи ничего не осталось! Папа ушел, Андрей не разговаривает ни с кем, ты одна в пустой квартире. Так что это все вина Ани, — Алена обводит руками пустой больничный коридор.

— И ты решила добить ее окончательно? — выдыхаю я.

Внутри закипает гнев — горячий, обжигающий, выжигающий все остатки терпения. Я всматриваюсь в бледное лицо Алены, на котором уже алеет след от моей пощечины, и не могу поверить, что это моя маленькая девочка, которая росла самой большой непоседой. Мой ангел, как я ее называла. Моя младшенькая, которую я оберегала от всего.

Где я упустила ее воспитание? В каком месте не усмотрела? Когда она превратилась в это?

Да и они с Аней... они же были близки. Я помню, как они играли в детстве, как Аня носила ее на руках, как Алена плакала, когда сестра уезжала в лагерь. Так что пошло не так?

— Нет, — Алена качает головой. В этом жесте нет ни капли раскаяния. — Я лишь показала ей, что все поступки имеют последствия. И дала почувствовать то, что почувствовала ты, чтобы она сама все поняла. — Она пожимает плечами — легко, будто речь идет о чем-то незначительном. — Папа со Златой рано или поздно расстались бы. И они точно старались не навредить никому. В отличие от сестры. Она влезла туда, куда не надо, и разрушила все.

Я смотрю Алене в глаза. Долго, пристально, пытаясь найти там хоть искру сожаления. Хоть каплю понимания. Ничего. Только холодная, ледяная уверенность в своей правоте.

Медленно мотаю головой.

— Ну что ж, — мой голос звучит глухо. — Теперь из-за тебя Аня может потерять ребенка.

Я выплевываю эти слова, как приговор.

На лице Алены мелькает что-то. Страх? Сомнение? Тень, которая появляется и исчезает так быстро, что я не успеваю ее уловить. Кажется, до этого момента Алена не до конца осознавала, что наделала. Не просчитала последствий.

— Я не знала, — мямлит дочь. В голосе появляются плаксивые нотки. — Откуда я могла знать? Она же не говорила…

— Уходи, — мотаю головой. Сил нет. Ни на споры, ни на крик, ни на что.

— Мама…

Алена делает шаг ко мне, тянет руку, пытается коснуться. Но я выдергиваю локоть, резко отступаю назад.

— Я тебе сказала: уходи, — повторяю я. Голос звучит ровно, хотя внутри все вибрирует от эмоций. — Как ты там сказала: любое действие имеет последствия? Вот и смотри, к чему привела твоя жажда мести. Пострадали два ни в чем не повинных человека. Один из которых даже не успел родиться.

Алена бегает глазами по моему лицу. Будто что-то ищет — понимание? Прощение? Поддержку? Но не находит.

Ее глаза сужаются. Лицо каменеет.

— Я уверена, что отец бы меня понял, — выплевывает дочь. — Он бы оценил мою преданность семье. А ты... неблагодарная! — Она смотрит на меня со жгучей смесью недовольства и разочарования. — Но ничего, — цедит дочь — Ты еще скажешь мне спасибо, когда поймешь, что я была права.

На этом Алена резко разворачивается и уходит прочь. Каблуки стучат по кафелю, удаляясь, затихая.

Я стою и смотрю дочери вслед. Шумно выдыхаю, не в силах больше стоять. Грузно опускаюсь на железный стул.

Закрываю глаза.

И в этот момент снова слышу шаги. Но теперь другие — тяжелые, усталые.

Распахиваю веки. Из-за поворота в мою сторону идет врач. Высокий, худощавый, в очках. Вид у него замученный — под глазами темные круги, губы сжаты в тонкую линию.

Я вскакиваю, будто подброшенная пружиной.

— Вы мать Анны Владимировны? — голос врача звучит устало, бесцветно.

— Да, — выдыхаю я. Сердце колотится где-то в горле, не давая дышать.

— А я ее муж, — сбоку появляется Стас. Я не заметила, когда он вернулся. Он останавливается рядом, напряженный, как струна. — Ну что, как она?

Врач переводит взгляд с меня на Стаса. Поджимает губы. Затем тяжело вздыхает.

И этот вздох говорит слишком о многом.

Глава 11

— Только не говорите, что она потеряла ребенка, — рявкает Стас так, будто это может что-то изменить.

Его голос звенит в тишине коридора. Я же смотрю на врача и не дышу. В горле застрял ком, которые не дает проходить воздуху дальше, не дает сделать вдох.

Врач переводит на Стаса строгий взгляд. Поправляет очки.

— Пациентка стабильна, но в тяжелом состоянии, — произносит он четко. — Она потеряла много крови. Мы сделали все возможное, чтобы ее стабилизировать, сейчас ее состояние под контролем. Она пришла в себя.

В животе тяжелеет от нервного напряжения. Я внимательно вслушиваюсь в каждое слово доктора, чтобы ничего не упустить. Любое слово может стать приговором или спасением.

— А с ребенком что? — Стас не унимается. Он подходит ближе к врачу, почти нависает над ним. — Вы же понимаете, это мой ребенок. Я должен знать.

Врач замолкает. Смотрит на Стаса, потом на меня. Сжимает губы в тонкую линию.

— Пока спасли.

Стас невольно отступает. Впервые за весь вечер в его глазах мелькает что-то человеческое.

До меня доносится тихий выдох. Едва слышный, но с таким облегчением, что я запоздало понимаю — это я выдохнула. Весь воздух, который копился в легких Бог знает сколько времени, вырывается наружу одним долгим, дрожащим движением.

— Спасибо, — шепчу я. — Спасибо вам.

Стас рядом молчит, но я вижу, как расслабляются его плечи. На секунду он закрывает глаза.

— Вот только, — врач мотает головой, привлекая внимание, и сердце снова проваливается куда-то вниз. — Это еще не все.

— Что значит "не все"? — настороженно спрашиваю я.

— Состояние пациентки мы стабилизировали, кровотечение остановили. Но угроза для плода сохраняется. Предстоящая ночь будет критической. Если организм справится, если не начнется новый спазм, если ребенок переживет ближайшие двенадцать часов — прогноз будет благоприятным. — Врач делает паузу. Смотрит на нас поверх очков, ожидая реакции. Но никто из нас не двигается. — Если нет... — врач все-таки продолжает, разводит руками. — Мы со своей стороны сделали все возможное. Применили максимальную терапию, соответствующую сроку беременности. Но гарантий, сами понимаете, в медицине не бывает. Слишком сильный стресс, слишком большая кровопотеря. Организм матери сейчас работает на пределе. Будем надеяться на лучшее и делать все, что в наших силах.

Я слушаю и чувствую, как каждое слово врезается в сознание. Критическая ночь. Если переживет — будет жить. Если нет — мы бессильны.

— Гадство, — Стас сжимает руки в кулаки. Костяшки белеют, на скулах ходят желваки. — Говорил я ей сидеть дома... нет, нужно было характер проявить, нужно было бежать к мамочке.

— Не смей валить все на Аню, — тут же цежу я, поворачиваясь к нему. Голос звучит жестко. — Она в таком состоянии из-за тебя.

Стас резко разворачивается ко мне. В его глазах — гнев. Он смотрит в упор, не моргая.

— Она в этом состоянии из-за себя, — чеканит он. — Мы уже почти закончили, когда Аня пришла. Ей нужно было всего лишь посидеть в комнате и спокойно подождать, как я ее просил. Подождать пять минут! Но нет, она решила все сама. Сама себя накрутила, сама довела.

— Стас, ты себя слышишь? — мои глаза распахиваются шире.

Я смотрю на зятя и не узнаю его. Это же тот человек, который стоял у алтаря и клялся любить мою дочь вечно. Который носил Аню на руках, который смотрел на нее с обожанием. Куда делся тот Стас?

Он был опорой для Ани. Любящий муж, верный друг. Что произошло? Что между ними случилось, что Стас решил изменить своей жене, причем с ее же сестрой? Неужели в нем тоже есть та же гниль, как и в Володе? Та же порода, та же мужская уверенность в своем праве на все?

Невольно передергиваю плечами.

— Неважно, — Стас встряхивает головой, будто отгоняет наваждение. — Я не собираюсь обсуждать это с вами. Мы с Аней сами решим наши проблемы. Без посторонних. Так что прошу вас не вмешиваться. — Он отворачивается от меня к врачу. — Отведите меня к жене, — требует он. Не просит — требует.

— Ты что, не слышал? — тут же встреваю я. Делаю шаг вперед, оказываясь рядом с ним, готовясь в любой момент перекрыть путь. — Ане и так плохо. Думаешь, ей хочется сейчас видеть тебя? После всего, что ты сделал? Ей нужен покой. Ей нужно прийти в себя… без твоего присутствия.

— Я ее покой! — Стас повышает голос. — Я ее муж. Я имею право быть рядом. И если бы она слушалась меня, ничего бы этого не было. Так что хватит лебезить перед ней. Отведите меня к жене.

— Молодой человек, — врач поднимает руку, останавливая этот поток. — Пациентка действительно просила привести... — он делает паузу, — но мать. И только ее. Она больше ни про кого не говорила.

Стас замирает.

— Что? — произносит тихо, с такой интонацией, словно его только что-то предали.

— Анна Владимировна, как только пришла в себя, попросила позвать маму, — поясняет врач. — Это ее прямая просьба. И я, как лечащий врач, обязан ее выполнить. Так что, — он поворачивается ко мне, — пойдемте. Только ненадолго. Ей нужен покой.

Стас сужает глаза. Поворачивает ко мне. Несколько долгих секунд он буравит меня гневным взглядом. Потом хмыкает. Криво, зло.

— Ну что ж, ваша взяла, — он разводит руками. Но выглядит это с какой-то издевкой. — Идите. Утешайте свою дочь.

Он разворачивается, делает несколько шагов в сторону выхода. Но останавливается, когда равняется со мной. Я вижу, как напряжены его плечи.

— Только передайте Ане, — Стас смотрит мне в глаза, — что если с нашим ребенком что-то случится, я ни за что ее не прощу. Пусть это будет для нее стимулом.

***

Дорогие мои,
а у меня новость. Приглашаю вас в свою БЕСПЛАТНУЮ историю
Предатель. Как ты мог?
https://litnet.com/shrt/jnik

— Я хочу знать все, — мой голос дрожит, но я пока что держусь.

— Касательно? — муж приподнимает бровь.

— Касательно твоей измены, — вздергиваю подбородок.

— Тебе лишь нужно знать, что она была. Все остальное не твое дело.

— Ну раз ты не отрицаешь, то я хочу развода.

— Вот значит как, — цедит муж. — Пока я пытаюсь спасти нашу семью, решаешь меня предать?!

— Это ты меня предал.

— Если ты думаешь, что я пойду на развод, то ты ошибаешься, — муж встряхивает головой. — Я не позволю разрушить нашу семью! Я политик, такие, как я, не разводятся!

— Ну вот мы и проверим.

— Не смей! — рявкает Артур. — Не смей мне угрожать. Влада, ты прекрасно знаешь, что мне есть чем тебе ответить. Так что будь умницей и иди займись тем, что ты умеешь лучше всего — делай мою жизнь лучше!

Поддержите ее, пожалуйста, вашими звездами и библиотеками. Буду очень благодарна!)))

С любовью, ваша Жанна!)

Ива
НИКА
ПРЕДАТЕЛЬ
Как ты мог?

Глава 12

Врач молча ведет меня по бесконечному коридору.

Шаги гулко отдаются в тишине. Каждый отзвук упорно напоминает о том, что только что произошло. Слова Стаса все еще звучат в голове, впившись в мозг, словно ноющая заноза.

"Если с нашим ребенком что-то случится, я ни за что ее не прощу. Пусть это будет для нее стимулом".

Стимулом.

Мерзавец. Какое право он имеет это говорить?!

Сжимаю кулаки, вспоминая свой собственный голос, которым я рычала на зятя: *"Убирайся отсюда! Чтобы я тебя здесь больше не видела!"*

Врач останавливается у одной из белоснежных дверей. Смотрит на меня поверх очков.

Замираю рядом с ним. Секунда. Две. Смотрю на эту дверь и даже не могу представить, к чему готовиться. Там, с другой стороны — моя девочка. Моя Аня. Мне нужно собраться, нужно быть сильной для нее. Поэтому делаю глубокий вдох.

— Готовы? — мягко спрашивает врач, будто понимая все мои внутренние переживания.

Киваю.

Врач распахивает дверь:

— Я оставлю вас. Но ненадолго. Ей нужен покой, — четко произноси он .

Снова киваю. Сглатываю вязкую слюну. Делаю шаг.

Палата небольшая, одноместная, но уютная. Свет приглушен — горит только ночник над кроватью, отбрасывая мягкий желтоватый круг на подушку. В этом полумраке все кажется нереальным, словно я нахожусь во сне… в кошмарном сне.

Аня лежит на кровати.

Бледная. Настолько бледная, что кожа кажется почти прозрачной. То ли из-за белизны простыней, то ли из-за этого больничного света — я не могу понять. От ее руки тянется тонкая трубочка капельницы, прозрачная жидкость капает неспешно. Рядом мерно пищит аппарат с ломаной линией биения сердца дочери.

Глаза Ани стеклянные. Смотрят в потолок, но, я уверена, не видят его. Дочь где-то далеко, в своей боли, в своем страхе. Я невольно сглатываю горечь во рту. В горле встает ком — такой огромный, что дышать становится почти невозможно. Сердце разрывается на части. Моя девочка. Моя сильная, смелая, добрая девочка — сейчас похожа на сломанную куклу.

Тихо закрываю дверь. Щелчок замка звучит оглушительно громко в тишине палаты.

Аня моргает и поворачивает голову.

— Мама, — произносит она тихо, едва слышно.

И по ее щекам снова текут слезы. Крупные, тяжелые, беззвучные.

— Не надо, милая, — я бросаюсь к ней. Осторожно, чтобы не задеть капельницу, сажусь на край кровати. Тянусь к лицу Ани, вытираю слезы пальцами. Они горячие. — Не плачь. Тебе нельзя волноваться. Врач сказал, что все зависит от твоего состояния. Тебе нужно быть спокойной. Слышишь?

— Мне так страшно, — Аня перехватывает мою руку. Прижимает к груди — я ощущаю, как бьется ее сердце, часто-часто, испуганно. — Я не прощу себя, если потеряю ребенка. Я не прощу себя никогда.

Воспоминание о словах Стаса простреливает мозг.

Он уже повесил на Аню эту вину. А она будто услышала его страшную угрозу и теперь повторяет ее с какой-то маниакальной верой.

— Даже не думай об этом, — я глажу дочь по лбу, убираю влажные пряди. Они прилипли к вискам, мокрые от слез. — Ты его не потеряешь. Все будет хорошо. Но для этого нужно успокоиться. Ты должна быть сильной. Сейчас все зависит только от тебя.

Я кладу руку Ане на щеку, поворачиваю ее лицо к себе, заставляю посмотреть мне в глаза.

— Давай, дыши глубже, — делаю медленный вдох, потом выдох. Показываю ей. — Вот так. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Аня смотрит на меня. Мгновение она ничего не делает, но затем начинает повторять. Сначала неловко, судорожно. Потом ровнее, глубже. Слезы перестают течь, останавливаются на ресницах.

— Вот так, моя милая, — я продолжаю сжимать руку Ани, чувствуя, как пульс постепенно успокаивается. — Вот так. Давай. Тебе нельзя нервничать.

Я глажу дочку по голове, по плечам, по руке. Говорю что-то тихое, успокаивающее — сама не слышу что. Главное — чтобы она чувствовала, что я рядом. Что она не одна.

В голове проносится мысль о Стасе. О том, что он, возможно, все еще стоит где-то там, в коридоре больницы, или уже уехал куда-то… вместе с Аленой. Нужно будет сказать Ане, что он приезжал. Но не сегодня. Точно не сегодня. Пусть сначала она придет в себя. Пусть переживет эту ночь.

Аня постепенно успокаивается. Дыхание становится ровным, веки тяжелеют. Она борется со сном, но организм берет свое — слишком много пережито, слишком много боли перенесено за сегодня.

Я продолжаю сидеть рядом, держать дочь за руку, гладить по голове. Ночник мягко светит, за окном кружит снег. Но в палате тихо.

И сквозь эту тишину, сквозь сон, Аня вдруг открывает рот.

Голос ее хриплый, сорванный, едва слышный.

— Знаешь, что я подумала…

Я замираю. Вслушиваюсь в ее слова.

— Независимо от того, чем закончится эта ночь, — Аня сглатывает, с трудом ворочая языком, — я скажу Стасу, что у меня выкидыш. Он не достоин быть отцом нашего малыша, — голос дочери крепчает, в нем появляется сталь. — И он им не будет! Ни за что!

***

Дорогие мои,
приглашаю вас в свою очень непростую и эмоциональную новинку
Измена. Кто она?
https://litnet.com/shrt/iirL

— Ты мне изменяешь? — мой голос дрожит.

— Да, — неожиданно спокойно отзывается муж.

— Как давно? — сама себе загоняю иголки в сердце.

— Ты не хочешь этого знать, — муж качает головой.

— Саша, — пытаюсь звучать жесткой, но выходит как мольба.

— Я сказал, ты не хочешь этого знать! — рявкает муж.

— И кто она? — решаю задать последний вопрос.

— Это тоже неважно, — чуть мягче отзывается Саша. — Девочка моя, я люблю тебя больше жизни! И сейчас твое здоровье превыше всего. Так что выброси все лишние мысли из своей красивой головки и выздоравливай!

Книга живет здесь https://litnet.com/shrt/iirL

Поддержите ее, пожалуйста. Буду очень благодарна!)))
Книга участвует в ЛитМобе https://litnet.com/shrt/C6af
С любовью, ваша Жанна!)

Глава 13

Всю ночь я не сплю.

Спасибо врачу, что позволили мне задержаться. Поэтому я сижу у Аниной кровати, держу ее за руку и слушаю, как мерно пищит аппарат. Каждый писк — напоминание о том, что жизнь внутри нее еще здесь. Что дочка борется. Что мы еще не проиграли. Хотя мне и не нравится идея Ани врать Стасу, но пока я решаю оставить все разговоры на потом. Главное, переждать эту ночь.

Уезжаю только в первом часу ночи, когда медсестра, заглянув в палату, говорит, что состояние стабилизировалось полностью. Аня спит глубоким, ровным сном. Ее лицо больше не бледное, а просто уставшее. Щеки чуть порозовели. Я смотрю на нее, и впервые за этот бесконечный день в груди появляется что-то, похожее на надежду.

Дома так и не засыпаю. Мысли роятся в голове, сменяя одна другую. Алена, Стас. До сих пор не могу поверить, что они могли предать Аню. И никак не могу понять, почему это сделали. Ладно Алена, она хотя бы объяснила все. Но во Стас. Как он мог так поступить с моей дочерью?!

Утром, едва рассвело, я уже снова в больнице. Осторожно вхожу в палату, боясь нарушить тишину. Аня снова спит после осмотра, но выглядит лучше. Гораздо лучше.

— За ночь ухудшений не было, — сообщает врач в коридоре. — Состояние стабильное. Ребенок тоже в порядке, сердцебиение хорошее. Ваша дочь справилась.

От облегчения спирает горло. Я киваю, благодарю, а внутри меня распирает что-то огромное, светлое, такое, что хочется смеяться и плакать одновременно.

Всерьез раздумываю остаться с дочерью, но понимаю, что сейчас ей нужен только покой, поэтому я приеду ближе к вечеру после рабочего дня и снова пробуду с ней до ночи.

Выйдя из больницы, вызываю такси и всю дорогу не могу перестать улыбаться. Смотрю в окно на серое утреннее небо, на мокрый асфальт, на редкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака. И улыбаюсь.

Кажется, что все налаживается.

Такси останавливается у высотного здания из стекла. В редких лучах солнца оно переливается, отражая облака и проносящиеся мимо машины. Я выхожу и на секунду замираю, позволяя себе вдохнуть полной грудью.

В холле бизнес-центра, где расположен холдинг, в котором я работаю HR-директором, пахнет кофе. Охранник кивает, когда я прохожу мимо него к лифтам. Затем поднимаюсь на пятнадцатый этаж, где выхожу в знакомый коридор.

— Доброе утро, Виолетта Александровна! — со мной здоровается наша секретарша, сидящая за благородным ресепшеном, отделанным темным деревом.

Прохожу дальше, мимо стеклянных переговорок. Распахиваю одну из белоснежных дверей.

— Доброе утро, — раздается со всех сторон, когда я пересекаю большой кабинет, где уже работают мои подчиненные.

Шесть человек. Мой отдел. Каждый на своем месте, каждый занят делом. Я киваю всем и сворачиваю в свой кабинет.

Здесь уютно. Небольшое помещение, но оно мое. Белый стол, на нем — идеальный порядок. Черно-белая картина на стене, шкаф с папками, сейф с документами. Панорамное окно, за которым серое небо и крыши города. В углу — пальма. Она разбавляет белизну кабинета, добавляет жизни.

Снимаю пальто, вешаю на вешалку, стоящую в углу. Сажусь за стол, включаю компьютер. На экране — десятки писем, отчеты, заявки.

Я погружаюсь в работу с головой. Смотрю резюме, отвечаю на письма, правлю документы. Мне нужно отвлечься от вчерашнего дня, и работа — лучшее лекарство.

Между делами звоню Ане. Говорим недолго — она еще слаба, голос тихий, но в нем нет того страха, который я слышала вечером.

— Все хорошо, мам, — дочь вздыхает. — Врачи сказали, что все идет нормально.

— Я приеду сразу после работы, — обещаю я. — Отдыхай. И не нервничай.

— Как скажешь, командир, — дочь улыбается, и это самое главное.

Кладу трубку и прикрываю глаза. Аня будет в порядке. Ребенок будет в порядке. Все будет хорошо.

Ближе к обеду раздается звонок рабочего телефона.

— Да, — тут же отвечаю я.

— Виолетта Александровна, Роман Дмитриевич просил вас зайти, — произносит секретарша генерального директора ровным, деловым тоном.

— Хорошо, сейчас подойду.

Хмурюсь, но все равно сохраняю документы на компьютере, поправляю блузку и выхожу в коридор. Иду до конца, туда, где находится нужная дверь. Захожу в приемную. Здесь всегда тихо — ковровое покрытие глушит шаги, стены обиты звукоизоляционными деревянными панелями. Строго, дорого, статусно.

Секретарша — высокая брюнетка в идеально строгом костюме кивает на двухстворчатые двери:

— Роман Дмитриевич вас ждет.

Я стучу и сразу захожу.

Кабинет генерального директора просторный. Стол из темного дерева, за ним — черное кресло. Посередине стол для переговоров и шесть стульев. Панорамное окно на всю стену. И он сам — у окна.

Роман Дмитриевич — высокий статный мужчина, чуть старше меня. Красивый той мужской красотой, которая с годами становится только выдержаннее. Темные волосы слегка вьются у висков, цепкие карие глаза смотрят внимательно, изучающе. Острые скулы, волевой подбородок. Он стоит, засунув руки в карманы брюк, и смотрит куда-то вдаль, на крыши города.

— Добрый день, — кашляю для приличия.

Роман Дмитриевич поворачивается. Кивает мне, жестом указывая на стул.

— Садитесь, Виолетта Александровна.

Присаживаюсь на указанное место. Роман Дмитриевич не садится за стол. Вместо этого он подходит к другому стулу, стоящему напротив, и опирается руками на его спинку.

— Устал сидеть, — поясняет он.

Приподнимаю уголки губ в ответ.

— Что-то случилось?

— Да, — он смотрит на меня в упор. — Дело есть. В компанию приходит работать мой сын.

Я внимательно слушаю.

— Он только что закончил магистратуру, — Роман Дмитриевич сжимает челюсти. — Будет работать у нас. Нужно его устроить, но… — он делает паузу, — по-тихому. Чтобы никто не знал о нашем родстве. По крайней мере, как можно дольше. Он будет расти с самых низов, — голос Романа Дмитриевича твердый, не терпящий возражений. — Никаких поблажек. Никаких скидок. Пусть учится, как все. — Он пристально смотрит на меня. — Вам я могу доверять. Знаю, что дальше вас информация не уйдет. А потом… — он делает паузу, — как -нибудь сочтемся.

— Я все поняла, — киваю. — Сделаю в лучшем виде.

Роман Дмитриевич внимательно смотрит мне в глаза. Делает это дольше, чем нужно. Мне становится неловко под этим пристальным, изучающим взглядом.

— У вас все хорошо? — вдруг спрашивает он участливо.

На мгновение вопрос выбивает меня. Я думала, что по мне незаметно мое состояние, что я хорошо его скрываю. Щеки начинают теплеть.

— Да, все… — начинаю я, но договорить не успеваю.

Дверь распахивается без стука. В кабинет входит молодой мужчина. Высокий, плечистый, но не настолько широкий, как Роман Дмитриевич. Ему лет двадцать пять, не больше. Он — точная копия отца. Те же темные вьющиеся волосы, те же острые скулы, тот же волевой подбородок. Только моложе.

Молодой человек медленно переводит взгляд с отца на меня, хмурится.

— Не помешал? — спрашивает серьезно, без тени смущения.

— Стучаться не учили? — рявкает Роман Дмитриевич, и я хмурюсь от его серьезного тона. Но сын, кажется, не впечатлен.

— В общем, — Роман Дмитриевич выпрямляется, голос его становится властным, официальным, — Виолетта Александровна, это Сергей. Забирайте его. Как оформите, дайте знать.

Он огибает стол, давая понять, что разговор окончен.

Я встаю, поправляю юбку.

— Сергей, пройдемте за мной, — говорю я ровным деловым тоном, задумываясь на мгновение, что и мне нужно было быть куда строже хотя бы с одним из своих детей. Воспоминание об Алене сжимает сердце. Стискиваю зубы.

Молодой человек смотрит на меня. Взгляд его странный, какой-то… выжидающий, тяжелый. Уверенной походкой прохожу мимо него в коридор.

Сергей молча идет следом. Я чувствую его спиной, чувствую этот взгляд, который буквально сверлит меня.

Мы заходим в мой отдел. Девочки поднимают головы, провожая Сергея заинтересованными взглядами. Он высокий, красивый, молодой. Конечно, такой заинтересует кого угодно.

Я открываю дверь своего кабинета, пропускаю его внутрь, ловя лукавые улыбки моих сотрудниц. Игнорирую их. Захожу следом. Дверь закрывается с мягким щелчком.

— Присаживайтесь, — говорю, указывая на стул напротив моего стола, к которому я направляюсь.

Но Сергей не садится.

Он продолжает стоять возле двери, смотрит на меня в упор.

— Я знаю, что вы спите с моим отцом, — заявляет он решительным тоном. — А Вас не смущает, что он женат?

Глава 14

— Не поняла сути претензии, — мои брови ползут вверх.

Если честно, внутри я растеряна. Что это сейчас вообще было? С чего вдруг такой вопрос? Это какой-то сюр. Но внешне остаюсь собранной.

— А мне кажется, что все вы поняли, — Сергей смотрит на меня пристально, впивается взглядом, следит за каждой моей эмоцией. — Или хотите сказать, что я ничего не прервал своим появлением в кабинете отца?

Сильнее хмурюсь, глядя на него. Выпрямляюсь, принимаю строгий вид, который обычно помогает поставить на место зарвавшихся соискателей. Возмущение поднимается из солнечного сплетения, обжигает грудь, но я держу себя в руках. Я профессионал. И уж такое точно не выбьет меня из колеи. Я не позволю вчерашнему студенту вести себя со мной подобным образом.

— Я успел заметить ваши интимные гляделки, — серьезно заявляет Сергей, складывая руки на груди. В его голосе — уверенность, граничащая с наглостью.

Делаю шаг в его сторону. Один. Второй. Теперь между нами не больше метра.

— Во-первых, — чеканю я, глядя ему в глаза, — вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне. Я как минимум старше. Так что проявите уважение.

Сергей молчит. Смотрит. Ждет.

— Во-вторых, ваш отец — мой руководитель. И то, что вы называете "интимными гляделками", на деле является обсуждением важных рабочих вопросов. В частности, вашего трудоустройства, — я делаю паузу, давая словам осесть в сознании Сергея. — Так что будьте добры, сядьте на стул и предоставьте мне все необходимые документы. Все остальное вас не касается.

Сергей на мгновение хмурится. Всматривается в меня, будто пытается прочитать что-то между строк.

— Если вы…

— Я не собираюсь развивать эту тему, — цежу я, обрывая его на полуслове.

Честно говоря, я скорее веду себя так жестко, потому что не знаю, как правильно реагировать. Это... странно, нелепо, абсурдно. Но с другой стороны, я смотрю на Сергея и вдруг думаю о своих детях. Измена Володи подкосила всех их. Тяжело вздыхаю. Возможно, не переживи я сама измену, отнеслась бы по-другому к этому выпаду. Но сейчас... мне становится жаль Сергея. Мальчишка, который смотрит на мир сквозь призму возможного отцовского предательства, который видит угрозу там, где ее нет. Не знаю, что у них происходит в семье, и меня это точно не касается, но я не хочу, чтобы Сергей думал, что я причастна к этому, потому что я как никто другой понимаю его беспокойство за свою мать.

— Нет, между мной и вашим отцом ничего нет, — произношу уже более мягко. — А теперь давайте приступим к оформлению.

В глазах Сергея появляется сомнение. Не отвожу взгляд, выдерживаю паузу. Он ждет еще секунду, будто выискивая что-то на моем лице, но судя по тому, как опускаются его плечи, так и не находит. Сергей кивает и наконец проходит к столу. Садится напротив меня. Я чувствую, как напряжение в комнате спадает на несколько градусов.

Устраиваюсь на рабочем месте, открываю на компьютере нужную программу. Работа возвращает меня в привычное русло — здесь я чувствую себя уверенно, здесь знаю каждое движение, каждую цифру.

— Ваши документы, — протягиваю руку.

Сергей молча передает мне пластиковый конверт. Я принимаю его, вношу данные в компьютер. Мы сидим в тишине — только клавиатура стучит под пальцами да иногда поскрипывает кресло.

Чувствую на себе чужой взгляд. Сергей смотрит внимательно, изучающе. Но я не поднимаю глаз — заполняю анкету, проверяю данные.

— Прошу прощения, — вдруг раздается голос Сергея. Нерешительный, совсем не похожий на тот, которым он задавал свой абсурдный вопрос некоторое время назад. — Просто... мне показалось.

Стреляю в него быстрым взглядом. Вижу, как он слегка смущен, но при этом все равно держит осанку прямой.

— Бывает, — киваю и возвращаюсь к работе.

Тишина затягивается. Я уже думаю, что разговор окончен, когда Сергей наклоняется немного вперед.

— Послушайте, — он произносит уже увереннее, — а могу я загладить свою вину? Может быть, вы поужинаете со мной?

Я замираю. Медленно перевожу на него глаза.

— Простите?

— Ужин, — повторяет он, словно я не расслышала. — Вкусная еда, приятная атмосфера... — уголки его губ приподнимаются в легкой улыбке, отчего и без того красивое лицо становится ярче.

Будь я лет на двадцать моложе, возможно, это подействовало бы. Но сейчас это выглядит... смешно. Мужчина, примерно ровесник моей младшей дочери, приглашает меня на ужин.

— Достаточно словесных извинений, — говорю сухо и пускаю на печать документы. — Подписывайте здесь и здесь.

Сергей молчит. Берет ручку, ставит подписи в отмеченных местах. Я проверяю каждую, складываю бумаги в папку.

— Документы готовы. Завтра можете приступать к работе.

Он встает. Поправляет пиджак, задерживается на секунду. Смотрит на меня, потом на дверь.

— Всего хорошего, — говорю я, давая понять, что разговор окончен.

Сергей кивает. Идет к выходу, берется за ручку двери. Я уже возвращаюсь к экрану, когда слышу его голос.

— Подумайте над моим предложением.

Я поднимаю глаза. Сергей стоит в дверях, смотрит на меня с легкой улыбкой. В глазах — вызов.

Не успеваю ответить. Дверь закрывается.

Лишь мотаю головой, откидываясь на спинку кресла. А это что было? Все чудесатее и чудесатее.

Как только наступает конец рабочего дня, тут же хватаю сумку, накидываю пальто — и к выходу.

Вызываю такси и сразу же еду к Ане. К моей девочке, которая чувствует себя лучше. Которой стало легче.

Машина останавливается у больницы. Я уже тянусь к дверной ручке, когда взгляд падает на маленькую церковь, стоящую сбоку от железного забора. Белые стены, золотые купола, крест, уходящий в темное вечернее небо. Странно, что я заметила ее только сейчас.

Сердце просится зайти внутрь хотя бы на минуту. Тихо, настойчиво, необъяснимо. Словно там, за этими стенами, я смогу найти успокоение.

Выхожу из такси, и ноги сами несут меня к церкви.

Внутри тихо. И тепло — не только воздухом, но и этим особым, знакомым с детства покоем. Огоньки свечей мелькают около икон в золоченых рамах, отбрасывают блики на стены. Пахнет ладаном и воском — запах, который всегда казался мне запахом надежды.

Беру три тонкие свечи. Подхожу к одной из икон, останавливаюсь. Смотрю на лик, и молитва сама складывается в голове.

“Помоги Ане. Помоги ей справиться. Помоги ей выстоять.”

Сжимаю свечки. Мое сердце болит только за дочь, которая уже столько вынесла, которая держится, которая не сдается. А я... я справлюсь. Я всегда справлялась.

Поджигаю свечу. Огонек вспыхивает, дрожит, выравнивается. Уже собираюсь поставить ее в подсвечник, когда сзади вдруг раздается голос.

— Не может быть! Вот это судьба!

Узнаю его мгновенно. Этот тембр, эта интонация. И не могу поверить. Просто не могу поверить, что она тоже здесь.

Медленно оборачиваюсь, только чтобы убедиться — и натыкаюсь на… Злату.

Она стоит в двух шагах от меня.

— Вы тоже зашли помолиться? — улыбается бывшая невестка. — А мы вот приехали проведать Аню. Но что-то я не уверена, что она захочет меня видеть. Поэтому вместо этого вот решила в церковь зайти. Поставила свечки. Кому-то за здравие, а кому-то… за упокой. За вас я тоже помолилась. А вы в ответ не хотите помолиться за будущую мамочку?

Она раздвигает полы пальто и кладет руки на округлившийся живот. Настолько большой, что с легкостью можно сказать — срок точно больше пяти месяцев.

Глава 15

Первый вопрос, который вспыхивает в голове: чей это ребенок?

Андрея? Володи?

Горло сдавливают невидимые тиски. Если последнего, то Алена очень ошиблась. Это уже точно выходит за рамки интрижки. И ее месть Ане... Что она наделала?!

Встряхиваю головой, отгоняя эту мысль. Не сейчас. Не здесь. Подумаю об этом позже, когда останусь одна.

— Что ты здесь делаешь? — шиплю, глядя Злате в глаза.

Рука со все еще зажженной свечой подрагивает. Я сжимаю пальцы, заставляю себя успокоиться. Огонек дергается, мечется, отбрасывает тени на лицо Златы. Задуваю его от греха подальше.

Злата выглядит все так же. Русые волосы собраны в пучок, на гу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.